Благословенны горные хребты

Максим Андреевич Далин

SHOUT
SHARE IT

- Максим Андреевич Далин

Максим Андреевич Далин
Благословенны горные хребты

…Пусть он в связке одной с тобой –
Там поймёшь, кто такой…

В. Высоцкий

…Ах, оставьте ненужные споры,
Я себе уже всё доказал…

В. Высоцкий

Крюк мне по телефону сказал: «Приезжай, такое увидишь, что офигеешь». Кондратий говорил потом, что ему то же самое выдали. Голосом таким, непростым и таинственным.

Я спросил, куда приезжать-то, на пирс или в гараж. Крюк, вроде, собирался покупать скутер, и я был точно уверен, что он хвастаться зовёт. А он выдал: «Домой ко мне приезжай, тормоз, какой пирс! Тусоваться будем, я вас с Кондратием познакомить хочу кое с кем из домашних».

Но вот с кем? Его Соню я, слава Богу, и так отлично знаю — свидетелем на свадьбе был. Лидка в четвёртый класс перешла, Лёся — в младшей группе, сколько я помню, а больше, похоже, никого у них не планировалось. Муркентий — не в счёт. Пса, что ли, завели?

Кондратий мне потом говорил, что то же самое думал. Про щенка.

Мы с Кондратием встретились около нашей школы. У нас было с собой кое-что, посидеть. Я ещё прикупил для Сони цветочки, она всякие шикарные букеты не любит, все в курсе, а любит эти меленькие, беленькие, типа ромашек, а Кондратий заявился со здоровенным тортом для их малышни, хотя Соня такие нездоровые сладости, как торт, не очень одобряет.

Мы оба думали как: щенок так щенок, почему б не посидеть по этому поводу. Тем более что надо было перетереть кое-что, по вопросу насчёт Аляски. Вроде, у всех потихоньку утрясалось с отпусками, с паспортами, с визами, со снарягой и с прочими важными вещами.

Аляской мы все болели с давних пор. С тех пор, приблизительно, как вернулись с Алтая. Идея Крюка, конечно. Он по жизни маньячит очень сложными маршрутами, а тот пик на

Аляске — будьте-нате, какой маршрут. Костоломный. Шеститысячник. Температура — плевки на лету мёрзнут. Шквальные ветра. Плюс горы такой жестокой красы, что слёзы наворачиваются и сердце щемит. В общем, для мужиков маршрут.

И мы ещё тогда друг другу сказали, что щенок — это, небось, предлог. Что Крюк, небось, перетёр с юсовцами насчёт визы, базы и прочего прекрасного. Ну и ладно.

И поднялись к нему на четвёртый этаж.

Шум был большой — у ребятни каникулы посленовогодние. Умильство: Соня просияла, как школьница, ткнулась в цветы лицом, Лёся высунулась в прихожую, а потом в комнату басом сообщила: «Тошечка, Лидка, там Кандватий и дядя Дима бавадатый!», Лидка выскочила с писком, Муркентий вышел хвост трубой, а вот Тошечка — не показался. Из чего я заключил, что он, вроде, не щенок — не бежит и не тявкает.

Крюк стоял, спиной косяк подпирал, руки в брюки — наблюдал с улыбочкой. Мы ему вручили торт и это самое, он только головой мотнул:

— Ну, вот не охламоны, а? Димон, ты вырастешь когда-нибудь из младшего школьного возраста? Кондрат, я ж просил… Ну, охламоны…

Кондратий говорит:

— Ты, вроде, познакомить обещал с кем-то… — и на Соню смотрит.

А Соня хитренько улыбнулась — и шмыг: «Пойду чайку согрею». Сговорились.

— Ладно, — говорю, — за душу-то не тяни.

Крюк кивнул уже согласно.

— Окей, сейчас Тошечку увидите. Маэстро, урежьте марш!

И Кондратий урезал немедленно: «Трам-тадам-тара-тата-тата-тата-там-пам-пам!», — а девчонки закричали:

— Тошечка, выйди сюда, а?!

— Пожалуйста!

Сюрпри-из, так сказать.

Мы с Кондратием немало видели, но к такому абсолютно не были морально готовы. Это был шок — аут, ступор, обалдели. Стоим в дверях гостиной, как два дурака, глазами лупаем. А Тошечка спрыгнул легко с дивана и идёт к нам вразвалочку. Знаете, как шимпанзе ходят — на двух ногах, но и на костяшки пальцев рук слегонца опирается. Руки длиннющие, позволяют.

Как это описать-то? Даже и не знаю.

Ростом он, если бы прямо встал, вышел бы аккурат с Крюка, то есть, под метр девяносто, но сутулился по-обезьяньи. Пушистый прямо-таки очень, пушистый, как персидский кот —

серебристый такой пух, будто облачко, и длинный ворс, и всё тело в этом пуху. Только мордень гладкая — обезьянья мордень, и нос плоский, и челюсти выступают, и уши врастопырку, а цвет у морды лица — серый, но не землистый, а серебристый какой-то, с лоском. Подвижная-подвижная мордень, и на ней — человеческая улыбочка, приветливая и смышлёная, и блестят тёмно-синие глазищи, умные и весёлые, а над ними — ресницы белёсые, мохнатые, и брови — как заиндевелые щёточки.

Небывалый обезьян был Тошечка. Существуй на белом свете снежный человек — так, скорее, снежный человек он был, а не простой обезьян. Или — как инопланетянин, похожий на обезьяна. И смотреть на него было одно удовольствие, как на умного, подвижного, здорового зверя.

Но мы с Кондратием не успели спросить, где это Крюк раздобыл такого диковинного питомца. Потому что Тошечка протянул мне горилью лапищу и сказал человеческим голосом:

— Добрый вечер, Дмитрий. Игорь показывал мне ваши фотографии: не узнать вашу знаменитую бороду, конечно, нельзя. Я — Энтони, но Игорь, Соня и их дети зовут меня Тоша. Мне нравится.

Голос у него был, как у парня лет двадцати, спокойный и дружеский. Но, ёлы-палы, я и так был как пыльным мешком шарахнут — а тут ещё заговорил странный зверь. Ещё бы Муркентий заговорил, когда вышел поздороваться…

Но его лапу-руку я пожал. Она была похожа на человечью, только пальцы длиннее, и, мне показалось, суставов на них больше. Тёплая кожа, крепкое пожатие — только на тыльной стороне кисти у него тоже росла мягкая серая шерсть, хоть и покороче, чем на теле.

Тоша повернулся к Кондратию, а Кондратий сделал шаг назад.

И Тоша огорчился. У него брови приподнялись, а уголки рта опустились, и глаза сразу опечалились.

— Я вам неприятен? — спросил он грустно. — Мне очень жаль. А я как раз хотел вас спросить, называть вас Георгием, как официально полагается, или Кондратием, как издавна принято в вашей компании?

Но гораздо поразительнее, что огорчился Крюк. Он просто-таки огорчился до глубины души. Обнял Тошу за мохнатые плечи, трепанул и сказал, пожалуй, даже нежно:

— Не переживай, старик. Кондрат — нормальный мужик, он просто охренел чуток. Кондрат, ну, ты чего? Это ж — Тошка, товарищ мой.

И вдруг меня осенило.

— Крюк, — говорю, — ты хочешь сказать, что это — тот Тони, который был в немецкой группе? На Памире? Про которого ты рассказывал? Жесть, не может быть…

И у Кондратия глаза делаются по полтинику:

— Это ты… это вы — Тони?! Вы… ты Игорюху на себе тащил, когда он сломал лодыжку? Ох, ты ж… Как же… — и схватил его за лапу немедленно.

Тоша, вроде, смутился — и переглянулся с Крюком. И Крюк сказал:

— Я просто… я тогда ещё не был уверен ни в чём и не знал, как вы отреагируете. А рассказать хотелось. Ну и представил это дело так, будто Тошка — человек. Но теперь — положение другое. Теперь я соображаю получше, да и плевать мне, кто что подумает. Вот, знакомьтесь, мой друг Энтони.

А Кондратий:

— Друг, да… Но кто, на самом-то деле? Тоша, вы — кто?

Он вздохнул и улыбнулся, как-то непонятно. То ли скептически, то ли печально.

— Я, — говорит, — механический модификат. Мех-Галатея, стереотип «Йети».

И Крюк добавляет:

— ИскИн он. Машина. Разумная машина.

Кондратий дёрнул плечами:

— Робот?

— Не надо «робот». Им неприятно.

Но Тоша улыбнулся веселее:

— Робот — так робот. Если вам так удобнее. Так Георгий или…

И лицо у Кондратия сделалось очень интересное. Этакий прищур-прицел, мысль — и не из самых радужных. И сказал он после изрядной паузы:

— Да зови уж Кондратием, чего там. Тебя так Крюк научил?

Тоша снова вздохнул — а я поразился, как он вздыхает, будто живое существо, когда, на самом деле, робот.

— Я бы не стал говорить, что «Крюк научил». Игорь много рассказывал всем в группе. Не только о ваших восхождениях на Алтае, о вашей старой дружбе тоже. Вы — Георгий Кондратьев, и в вашем классе была в моде песенка Григоряна «Ах, куда подевался Кондратий, минуту назад он был с нами». Верно?

Кондратий кивнул, но мина у него приятнее не стала.

А Крюк сказал:

— Ну ладно, идёмте чайку выпьем, что ли. И поговорить надо.

Ох, какой тогда вышел вечер… Чистое Безумное Чаепитие,

как в Стране Чудес: Соня была Соней, мы с Кондратием были как Шляпник и Мартовский Заяц, Крюк лыбился, как Чеширский Кот, а уж робот Тоша был как неизвестно кто. Во времена Кэрролла роботов ещё не было — не Азимов.

Наблюдать, конечно, было поразительно. Крюковы девчонки Тошу постоянно тискали, он улыбался и Лёсину куклу баюкал, Лидка ему прицепляла заколочки-бантики на серебряную гриву — просто не отходили от него, и Соня время от времени эту машину тоже гладила походя. А Крюк на робота глядел ласково, просто беспримесно ласково. Не как на друзей-людей — иначе. Это при том, что никогда он техникой до такой степени не маньячил, чтоб оглаживать мотоцикл или беседовать с компьютером вслух.

Я просто шалел. Нельзя поверить, что машину видишь: живой зверь — и вся недолга. Мне тоже хотелось Тошу трогать-гладить — чудесный он был на ощупь — но как-то останавливало. То ли размер в натуральную величину. То ли взгляд — уж слишком человеческий. То ли мысль, что он Крюка на Памире с маршрута на себе тащил.

Хотя, роботу прикажи — и он потащит что угодно. Хоть человека, хоть мешок с кизяком.

А Кондратию что-то запало — и он учинил Крюку допрос, от которого стало нашему Игорьку как-то неуютно. Кондратий не мог не заметить, что неуютно, но дожимал — и на Тошу поглядывал цепко и выжидательно.

— Что он у тебя-то делает? — говорил. — Разве он не немцев вещь?

У Крюка тень по лицу прошла, тёмное пятно на носу и щеке проступило — от старого обморожения.

— Он — вообще не вещь. Говорят тебе — ИскИн, разумная машина. Молчит из тактичности, а ты его обсуждаешь, как пылесос.

Кондратий ухмыльнулся.

— Ты, Крючок, не ответил, отмазался.

— Что отвечать на глупости… Немцы заплатили за то, что в команде будет электронный инструктор — нам и прислали Тошеньку. Я впервой Галатею видал, всё время к нему приставал с расспросами… много трындели, в общем. Подружились как-то. А потом была шикарная работа, да я сорвался, сломал лодыжку. Там маршрут-то — знаешь? Я бы, может, и не дошёл, если бы не Тоша… Да что — «может»! Остался бы на леднике, стопудово! Буран начинался, парни сами еле шли.

Кондратий снова ухмыльнулся.

— Ну, дык. Известно — робот.

А у Крюка — так и тень, и глаза потемнели. Что-то он хотел объяснить, но не мог, слов ему оказалось не подобрать. Забавно, что, кажется, и Соня тоже взглянула хмуровато. А Тоша забрал девчонок: «Вы шумите, а папе с друзьями поговорить хочется», — и ушёл из кухни. Будто не захотел слушать, что про него говорят — или Крюку руки развязал.

А Кондратий опять своё:

— Ты его купил, что ли? Дорого дал? Шикарная игрушка, конечно…

Крюк хлопнул полстакана залпом — и видно, как злится и думает, но мысли никак в слова не умещались: альпиндяй, а не поэт, ясное дело.

— Кондрат, — говорю, — чего ты к нему пристал? Видишь, не хочет он говорить — а лезешь.

Кондратий только хмыкнул:

— Я вот не пойму, что такого-то? Ну, прикольно, Крюк робота купил — а я вот таких только в роликах видел, знаешь — «Чудеса мехтехники». Интересно же, что, почём, как оформлял — да и вообще… Сам сказал, что надо поговорить, а сам молчит, как воды в рот набрал. Чё я-то плохого делаю?

Крюк на него посмотрел с тоской.

— Дуришь ты, Кондрат, вот чё. Говорят тебе, дураку: не игрушка Тошечка и не вещь. ИскИн он, вроде как электронный человек. Личность. Друг мой.

— Но ты его купил? Купил. Он сделан на фабрике? Сделан. Прочее — блажь, нет?

Крюк хотел кулаком по столу — сдержался.

— Да какая разница, кто делал — инженеры или мамуля с папулей! Он не на фабрике — есть в Канаде такая фирмочка, там со всего мира энтузиасты, делают их, ИскИнов, Галатей, каждого — отдельно, по нескольку месяцев тратят. И… душу вкладывают… не знаю.

Кондратий улыбнулся, как ехидный кот:

— Ну, Крючок, душу можно и в валенки вложить, дело подхода. Канадская фирма, значит… В Сети почитать любопытно. Но ты скажи, сколько платил-то? Ведь дорогущая игрушка…

Тут уж Крюка сорвало:

— Да не игрушка, ёлки-моталки! Да, платил! Да, предлагал ассоциации скинуться, чтоб у нас инструктор-мех был, только они меня и слушать не стали, такие же обломы, как и ты, Кондрат, Господи прости! И — да, я его фирме заплатил, они же вложили много, когда делали Тошку, а я его сманил, чем им компенсировать-то, как думаешь? Дедушкину дачу продал, доволен?! Но это плата фирме за контракт, а не покупка

пылесоса, блин!

У меня вырвалось:

— Ядрён батон, ты, Крюк, спятил! Я даже и представить не могу, сколько она стоила, дача деда твоего на Вуоксе — если уж у тебя и было что ценное…

А Крюк, вроде, даже оттаял чуток.

— Хорошо стоила, ага. Но всё равно не хватило. Они мне скидку сделали большую: Тошка тоже очень хотел со мной поехать. Друзья мы, говорю. Сработались хорошо. Мы с ним собираемся на Аляску, я хотел вас позвать. С юсовцами договорились. Юсовцы на безопасности помешаны, а у Тошечки — диплом горного спасателя и сертификат мех-безопасности высшей степени. Легко дали разрешение.

Кондратий оживился:

— Аляска — это дело. Ещё бы робота туда не тащить — так и совсем бы сказка. И-йех, дожить бы до сезона! Смерть, как хочется…

Крюк улыбнулся:

— И нам хочется. Но я Тошку и сманил Аляской, без него — как же? Я ему обещал. И в горах он — сокровище, чудо он в горах, так что я вот что. Я хотел звать тебя и Димку, а Тоша у нас будет электронный инструктор. Так и оформлял заявку на маршрут. А теперь выслушаю, что скажете.

Что скажем… обсуждали уже поспокойнее, визы, маршрут, припасы, снаряжение, но всё время разговор сворачивал на Тошу. Соня обычно никогда в альпиндяйский трёп не лезла, она вообще не из разговорчивых, тихая очень, но нынче день был особенный. Настал момент — и она вставила слово.

Когда Кондратий сказал, что нервит его, всё-таки, робот в команде.

— Ну ладно, — говорит, — на Памире он хорошо сработал. Но ты скажи, Крючок, что будет, если он с нарезки слетит или глюк у него случится программный? В ассоциации тебя ведь поэтому слушать не стали, да? Роботы — они же машины, машины ломаются, сбои бывают всякие. Вот если он рехнётся, что тогда?

Крюк прищурился, выдал:

— А кто боится случайностей, Кондратик, тот должен дома сидеть. Перед телевизором. И чипсы в это время с пивком не грызть: вдруг пивом захлебнёшься или чипсом поперхнёшься, что тогда будет? Я угораю, чисто угораю по тебе! А если лавина сойдёт? А если камень треснет, когда будешь штырь вбивать? А если крыша у кого-нибудь поедет от перепадов давления — тогда что?

Кондратий вскинулся:

— Ты рамсы-то не путай, я вижу. Горы есть горы, но зачем заведомую проблему с собой переть, ума не приложу…

Вот тут Соня и не выдержала.

— С ним мои дети играют, Кондрат, — говорит. — И он им лучше всякой няньки… Я, конечно, не технарь, я не знаю, как у него в голове что устроено, но любит он девчонок, Тоша, понимаешь? И нас с Игорем любит — не могут так простые машины…

Кондратий только фыркнул.

— Сонечка, — говорит, — ты прости, конечно, но вся эта электроника тебе изрядно заморочила голову. Ну не может машина любить детей, да и вообще кого-нибудь, понимаешь? Программа у неё: служить людям, слова всякие, действия… Тебе кажется. И Игорю кажется. Иллюзия, программа такая. И сбиться может, как всякая программа. Пока он в порядке — «любит», так сказать, а вот слетит с катушек — и будет делать, что баг велит. Хоть головы отрывать, хоть в стенки вколачивать…

А у Сони — тут же слёзы, хоть она и не плакса совсем.

— Ты не понимаешь! — говорит. — Не понимаешь, Жорка, и понять не хочешь! С ума и человек может сойти, а сойдёт — тоже начнёт головы отрывать. Думаешь, наша конструкция прочнее?!

Крюк её обнял и говорит тихо:

— Ни одна Галатея ещё не ломалась. Троекратный запас прочности у них. Любой прочности — и этой вот, душевной, тоже. Но я всё понимаю: и человек может сбрендить, а самолёт может упасть. Ну и что? По этому поводу нам самолётами не летать и с друзьями не общаться? Вот ты мне что скажи, Кондратушка: может, я должен думать, не опасно ли мне тебя в горы брать? А вдруг ты меня треснешь башкой об скалу и подыхать бросишь? Вдруг ты меня уже давно втайне ненавидишь, а? Докажи, что нет.

Кондратий даже растерялся. Забормотал что-то, вроде: «Ты чё, Крюк, не знаешь меня, что ль…» — но Крюк дожал.

— А вот не знаю. Чужая душа — потёмки. Может, у тебя опухоль мозга, а может, ты в Соньку влюбился. Никто ничего ни о ком не знает. Вот я тебе верю, что ты мне друг — а вдруг ты врёшь? Мало ли было случаев, когда продавали друзья?

Кондратий замолчал, глаза опустил, желвак по скуле ходит. Буркнул глухо:

— Я думал, ты мне настоящий друг.

А Крюк:

— Да, — говорит, — настоящий. Я помню, какой ты на маршруте. Потому и зову тебя на Аляску, потому и жизнь тебе доверить не боюсь, и не думаю, что ты засбоишь или сломаешься.

Вера называется, понимаешь? Но ведь и ты мне поверь. Я тебя когда-нибудь обманывал, а, Кондрат? Или, может, тащил с собой в команду какую-нибудь дрянь?

Кондратий только головой мотнул. А Крюк двинул его по спине:

— Ну и забудь. Считай, что в команде у нас новый человек, если тебе так легче думается. Но я Тошке обещал на Аляску — и я ему тоже врать не буду. Обязан я ему, и друг он мне. Если тебе уж так противно с ИскИном в одной команде идти — ну, что, не потащу я тебя силой. Хоть и жалко очень, уже лет пять ведь думали об Аляске, а?

Кондратий мялся-мялся, но выдавил всё-таки:

— Не, ну зачем… Решили на Аляску в этот сезон — значит, едем. Чего там. В конце концов, был же этот робот с тобой на Памире…

Тут уж я не выдержал:

— Ну что, — говорю, — ты ломаешься как девка, Кондратий? Ты вспомни, КАК он был на Памире с Крюком — ведь рекомендация, нет?

И так вот, вдвоём с Крюком мы его дожали. Но в тот вечер и Тоша на кухню не вышел — слышно было, как в комнате с девчонками играл — и Соня не вступала больше. И какая-то заноза крохотная осталась. Вроде, обо всём договорились, но что-то всё время свербило, как в глазу.

И не выморгать.

Собираться начали загодя, а поехали в начале мая.

А пока собирались, пока готовили снарягу, припасами обзаводились — всё время общались с Тошей, волей-неволей. И всё, что в моей голове было ясно, стало довольно-таки смутно и странно.

Я ж на том стоял, что человек есть человек, машина есть машина. Что машине прикажешь, то и сделает, свободной воли у неё нет и быть не может. И мыслить машина не может, разве что — изображать мышление. Долго ли нас, глупых людишек, обмануть-то? Вон, девчонки на нём, на пушистеньком, виснут, мягкий он, тёплый — им и радостно. Всё равно, как мелких обезьянок, если осиротеют, не дай Бог — на плюшевых медведиков сажают. Им тепло, приятно — и с потребностью в любви всё хорошо.

Нам, людям, самим важно любить. А уж что — дело пятое. Человек может и вовсе неживой предмет возлюбить со страшной силой, аж до стояка — хоть шикарный автомобиль, хоть куклу, хоть ношеные девчачьи трусики. А как полюбим — так и додумываем. И нам только дай заграбастать объект наш в обе

пригоршни и вцепиться до белых костяшек. И что там объекту, каково ему — нам до фени уже.

Поймать, как говорится, котёнка и загладить до смерти.

Как моя бывшая.

Это у Крюка все дела хороши по всем фронтам. А у нас с Кондратием — глубоко не так.

Моя четыре года назад вильнула хвостом и ушла, и малого забрала, да ещё и бенефис устроила напоследок, мол, свернёшь когда-нибудь в горах башку — туда и дорога, но пацана с пути не сбивай, не дам. По душе резанула сильно, но дело известное — ждать с гор не все женщины могут. Другая сидит и психует: а ну, как разобьётся или покалечится? И куда ей тогда? И вся любовь. Ушла и скоренько нашла себе — хоть тоже дома не бывает ни фига, но не по обледенелым скалам лазает, а в банке башли сшибает, не разобьёт башку, негде. Разве что к любовнице уйдёт.

У Кондратия ещё хуже вышло. Его красотуля к приезду любимого с гор основательно подготовилась: шмотки его собрала в чемодан, да хорошо ещё не выставила за дверь. А на его постели уже другой журнальчик листал и дожидался, пока красотуля разберётся с нудным альпиндяем. Грязный обман получился и подлый, так Кондратий уже и не доверяет ни женщинам, ни другому кому-нибудь — только старым друзьям, с которыми был на маршруте.

В общем, если бы не Крюк со своей Соней, в любовь, которая не о том, как бы себе захапать, уже и не верить бы. Но вот, наглядно: не оспоришь. Да ещё и дети. А теперь ещё прибился Тошка.

Машина, само собой, любить не может. Но его всё семейство Крюковых, включая кота Муркентия, любило чисто конкретно. И было за что, если уж откровенно говорить: умные люди Тошу делали и подошли к работе творчески — ничего не пожалели.

С Сониной точки зрения Тоша стоил шикарной двухэтажной дачи на Вуоксе — да Соня и говорить об этом не хотела. У неё появлялись такие интонации, словно она настояла, чтоб муж выкупил с плантаций негра, который спас ему жизнь. Но, кроме того, гад буду, Тоша был её подружкой. Я слыхал краем уха, как они трындят о каких-то женских делишках, тряпчонках, причёсках, сериалах — и у Тоши даже голос становился выше, не как у взрослого парня, а как у подростка или ребёнка. И ему было не впадлу помогать Соне на кухне или по дому; он бы и в магазин ходил, и ещё куда, но, всё-таки, люди шарахались — очень уж Тоша был удивительный. Йети как есть.

Но зато с теми из семейства, кто уходил на улицу, Тоша поддерживал постоянную связь. У Крюка было несколько

комплектов, вроде телефонной гарнитуры — надевается на ухо, но куда сложнее, чем телефонная, как я понял. В этой крохотной штуковине много всего было наворочено. Такую гарнитуру всегда носила Лидка — ей все подружки завидовали, что у неё дома живёт робот и говорит с ней по телефону. И эта гарнитура здорово лечила вечные Сонины нервы и тревоги.

Уже прямо перед нашим отъездом, в конце апреля, Тоша всё-таки ушёл из квартиры. И принёс Лидку в одной туфельке, горько ревущую. Вторую туфельку, мокрую и грязную, завёрнутую в какой-то случайный пакет, Лидка держала в руках.

Тоша бы не стал вдаваться в подробности этого приключения, но Соня настояла. Выяснила, что Лидка с одноклассниками прямо из школы направились в соседний микрорайон, к громадной яме, полной воды, что осталась от старого песчаного карьера — городские власти никак не соберутся почистить это безобразие и разбить вокруг скверик с прудом, хотя в газетах и писали. Сперва малявки глазели на чаек и швыряли в воду камешки, а потом разыскали у берега какое-то подобие плота из трёх брёвен. И Лидка решила забраться на этот плот. Тоша, который за ней следил, уж Бог знает, как — камерой или ещё каким-то хитрым образом — попросил через гарнитуру этого не делать, но на Лидку нашёл шаловливый стих.

Тоша сказал: «Хорошо, только не запрыгивай двумя ногами», — и тем спас ей жизнь. Она всего лишь утопила туфлю. А робот оказался на месте минуты через четыре — и даже Крюк потом поразился его скорости. Что по улице серебряная горилла бегала — после весь двор долго обсуждал. Лидке бы влетело по первое число, но Тоша вступился.

— Это был опасный опыт, — сказал он запоздало перепуганной Соне, обрадованной и взбешённой одновременно, — но ведь человек не может существовать, не получая опыта. Теперь Лида поняла, что опасно наступать на плохо скреплённые брёвна на воде, и что моим словам лучше доверять.

И Лидка висела у него на шее, как обезьянка на том плюшевом медведике, явно чувствуя себя в полной безопасности. А Соня была уверена, что Тоша спас не только её мужа, но и её дочь.

Кондратий, узнав об этой истории, отмахнулся: «Законы робототехники! Они не могут допустить вреда бездействием, вот и всё. Нормально работает программа». Для него единственный плюс тут был в этом «нормально работает». Но я всё это уже воспринял немного по-другому.

Потому что я тоже, как и Крюк, разговаривал с Тошкой.

Всё-таки интересно, что может сказать машина, да ещё такая

сложная.

И первый же разговор мне много всего прояснил. Вообще-то, я был уверен, что его говорильная программа будет просто более или менее попадать в смысл, поддерживая разговор. Ну, много таких виртуальных говорилок есть: вроде, ты общаешься с кем-то, а вроде, он не особо вменяем. Бот, в общем.

Но я ошибся.

Мы паковали обвязки, карабины, страховку — и Тоша делал со снарягой какие-то странные штуки. У него даже, кажется, чуть светились кончики пальцев.

— Ты чего это? — спросил я, а уже потом сообразил, что не осилит машина ответить на такой вопрос. Но Тоша ответил.

— Проверяю металл на возможные внутренние дефекты. Когда вдруг ломается то, что казалось совершенно целым — дело к беде.

Это было так осмысленно, что я сильно удивился. А Тоша продолжал:

— Горы — это множество стихийных обстоятельств, которые от нас не зависят. Но оборудование зависит — а то, что зависит, может быть доведено до оптимального состояния. Верно?

Тогда я подумал, что было бы забавно подначить робота, и спросил:

— Наверно, думаешь, что люди — идиоты, да? Лезут в стихийные обстоятельства, которые им неподконтрольны, рискуют — жутко глупо, правда? Нерационально?

Тоша оторвался от тросов, посмотрел на меня и улыбнулся.

— Я тоже лезу в стихийные обстоятельства. Я был ориентирован на деятельность секретаря и секьюрити, но мне нравятся горы. Я попросил босса сменить мне специализацию и корпус. Я понимаю и разделяю с людьми этот тип жуткой глупости.

Поразил меня этой тирадой, прямо скажем.

— У тебя, значит, был другой корпус? А ты захотел этот? Фантастика…

— Да, — сказал Тоша очень охотно. — Был антропоморфный корпус, тщательная имитация человеческого существа. Но для работы в горах он намного менее удобен, чем модификат «Йети», потому что рассчитан на решение совершенно других задач.

— То есть, тебя запрограммировали секретарствовать, а ты решил стать альпиндяем? Сам дошёл своим умом — или что там у тебя?

Робот опять улыбнулся — улыбка у него была роскошная, не обезьянья, а голливудская.

— У меня, — говорит, — в некотором роде ум. И, пораскинув

им, я пришёл к выводу, что именно горы могут доставить мне максимум радости от существования.

— Слушай, — сказал я, офигевая окончательно, — а тебе-то зачем в горы? Людей спасать? Так ведь это не вопрос, везде можно. Что тебя именно в горы-то понесло, а? Какая программа? И это я о радости уже молчу — ты что, можешь радоваться?

Тоша кивнул. Я всё больше и больше терял ощущение реальности от того, что он говорил.

— Радость — это стимул. Зачем мне делать что-то, что не доставляет радости?

— А приказы выполнять?

— Если бы я был запрограммирован выполнять все приказы людей, вчера вечером я был бы вынужден пытаться достать с неба Венеру — Лёся хотела использовать её в качестве брошки для куклы.

— Умереть — не встать… и чему ты радуешься в горах?

И тут Тоша заговорил проникновенно, почти мечтательно:

— Тому же, что радует вас. Если бы у мехов были души, я бы сказал, что это духовное родство с вами. С Игорем. С Отто и Кранцем. С другими людьми, которых я водил по маршруту. Вы все наслаждаетесь, решая сложнейшие задачи — и я тоже. Непредсказуемые условия, действия в постоянно меняющейся обстановке — это очень сложная задача. Совершив с людьми восхождение, я понимаю, что они чувствуют. Восторг. Им удалось решить этот маршрут. Я чувствую то же самое.

А я чувствовал, что у меня заходит ум за разум.

— Радость… Ты радуешься, если ухитришься решить сложную задачу?

— Да. Как и ты.

— Хорошо. А чем тебя радуют девчонки Крюковы? Или это — вроде побочного эффекта: терпишь ради гор домашнюю работу?

Тоша приподнял брови, как бородатый терьер.

— Дмитрий, я удивлён. Дети — самые непредсказуемые человеческие существа. Они ставят передо мной задачи редкой сложности поминутно — и, как правило, дают крайне мало времени на выбор решения. Общаясь с ними, я постоянно нахожусь в состоянии поиска ответов. Это, как говорит Игорь, кайф.

Я не знал, как к этому относиться. Я сам хотел сказать тоном робота: «Я удивлён». Потому что… не знаю. Я разговаривал с Тошей не как с машиной, но и не как с человеком. От новизны в голове что-то смещалось с привычных тем, с привычного хода мыслей. Слово «робот» как будто меняло для меня смысл.

Так постепенно я начинал понимать, почему Крюк выходит из

себя, если кто-то называет Тошу «вещью» — но его привязанность к этому существу меня всё равно поражала. Уходя из квартиры, Крюк постоянно носил гарнитуру. Что-то в этой привязанности мерещилось патологическое; Кондратий прямо выдал:

— Крюк робота любит больше, чем жену.

Но сам Игорь на это только раздражённо хмыкнул:

— У тебя к Тоше какое-то особое отношение, Кондрат. А тебе не приходило в голову, что через него — постоянная связь с Соней и девчонками, а?

Кондратий ничего не хотел слушать. Робот его как-то волновал, цеплял — и Кондратий просто отвлечься не мог, если Тоша был поблизости. Его бесило, что Крюк гладил машину по голове, что Соня иногда тискала робота, как большую игрушку: «Тошечка-лапочка!» — и даже что я иногда заговаривал с ним. Сам Кондратий общался отрывистыми фразами, приказным тоном, кривя лицо. По мне, эти приказы иногда выглядели вполне издёвкой.

Но Тоша всегда был спокоен, как танк. Если он не мог улизнуть от общения, то просто выполнял — или корректнейшим тоном, с непроницаемой миной, объяснял, почему выполнить нельзя. И такое его поведение выводило Кондратия из себя ещё больше.

— Чёртова машина! — плевался он, швыряя в коробку консервную банку. — Как английский дворецкий, итить… Крюк, тебя холуи не раздражают?

— Дурак ты, Кондрат, к тому же упрямый, — возражал Крюк. — Что ж ему, драться с тобой? Так ведь он — машина, тебе не поздоровится.

— Электронный холуй, — фыркал Кондратий. — «Чего изволите-с?» В кайф тебе себя чувствовать рабовладельцем, а?

— Кондратий, — пытался говорить я, — ну что ты до всех докапываешься? Что дуришь? Какой, к трёпаной маме, Крюк рабовладелец?

— А чем мех не раб? — язвил Кондратий. — Подай-принеси, Соне помогает тесто месить, детям сопли утирает, у нас на подхвате. Даром же? Даром. Потому что — вещь, запрограммированная вещь. Крюк себе лакея купил. Дорого, правда.

И в один прекрасный момент Тоша, который слушал эти эскапады и молчал, заговорил в ответ. Потом я думал, что он, видимо, успел собрать о Кондратии достаточно информации для выводов.

— А ты свободен, Кондратий?

Тот осёкся — не ожидал, привык к тому, что робот молчит. И

ответил после паузы, вполне заносчиво:

— Я — человек, знаешь ли. Не тебе чета.

— Я знаю, что ты — человек, — спокойно согласился Тоша. — Но спросил, ощущаешь ли ты себя свободным.

— Конечно! — огрызнулся Кондратий.

— То есть, независим ни от обстоятельств, ни от суждений?

— Абсолютно.

— Ты пытаешься себя обмануть, — сообщил Тоша, не меняя тона, без тени раздражения.

Кондратий сжал кулаки и дёрнул щекой.

— Ты кто такой, чтоб меня учить, обезьяна электронная?!

— Я не учу, — возразил Тоша. — Я всего лишь констатирую факт. Ты пытаешься обмануть себя — и меня заодно.

Кондратий шумно выдохнул.

— Ну и чем же я такой несвободный?

— Простейший пример, — начал Тоша таким тоном, каким объяснял Лёсе, почему в дырках ничего нет. — Ты очень хочешь поехать с Игорем на Аляску, чтобы совершить восхождение на пик Мак-Кинли — ожидаешь, что это доставит тебе радость. Я тебе эту радость омрачаю. Но ты не можешь ни заставить Игоря не брать меня с собой — это лишит его радости и огорчит, ни успокоиться и смириться с моим обществом — на это у тебя не хватает душевной гармонии, ни отказаться от поездки — ты слишком долго ждал. В результате ты не можешь ни сделать того и так, как хочешь, ни чувствовать того, что хочешь. Разве это свобода?

Кондратий пыхтел, щурился, но не знал, как ответить.

— Продолжать? — спросил Тоша.

Кондратий оглянулся на нас с Крюком — и вид у него был почти беспомощный.

— Гад ты, — бросил он Тоше в досаде. — Дать бы тебе в морду — да ты железный!

Тоша улыбнулся.

— Прости, Кондратий. Я понимаю, почему я гад. Я ведь делаю то, что хочу, и так, как хочу, хотя я всего лишь электронная обезьяна, механический холуй и вещь Игоря. А ты — нет. Это очень обидно. Я тебе сочувствую, но, к сожалению, не могу помочь. Личная свобода достижима только той личностью, которой она требуется.

— Ты не можешь пойти, куда захочешь! — почти крикнул Кондратий.

— Почему не могу? Разве я не в состоянии передвигаться?

— У тебя нет денег и паспорта! Ты не гражданин!

— Будь добр, Кондратий, объясни, зачем мне паспорт и

гражданство. Мне вряд ли придётся когда-нибудь судиться или вступать в брак. Для прочего подходит и технический паспорт.

— Любой человек может сделать с тобой что угодно!

— Вот как? Сделай, ведь ты же хочешь.

— А деньги!

— Я думаю, что мог бы заработать, если бы это понадобилось. Ты ведь понимаешь, как многое я могу делать хорошо. Но в настоящий момент я не нуждаюсь в деньгах.

— Ты — не человек! — рявкнул Кондратий.

— Это правда. И что?

— И не будешь!

— И это правда. Но в чём беда?

И тут Кондратий остановился: мы с Крюком пытались не заржать в голос, а Соня, слушавшая в дверях гостиной, тихонько хихикала.

— Да угомонись ты уже, Кондрат, — сказал Крюк, ухмыляясь во всю пасть. — Не переспоришь ты Тошеньку, он к всемирной Сети подключён и обновления каждый день. А информацией он умеет пользоваться, и язвить умеет — хоть и не любит. Ну что ты на него катишь?

— Да ну вас нахрен! — бросил Кондратий, выскочил в коридор и сдёрнул с вешалки куртку. — Ну вас нахрен с вашими роботами, Аляской и придурью, ясно?!

Грохнул дверью. Крюк смотрел огорчённо, но Тоша тронул обезьяньей лапой его плечо.

— Кондратий вернётся. Он слишком любит тебя, горы и мечту о пике Мак-Кинли. Понимание достижимо, только требует времени, а восхождение всё расставит по местам, не грусти, пожалуйста.

И оказался прав. Кондратий действительно вернулся.

На следующий день он принёс аккумулятор для фонаря и тщательно делал вид, что ничего не произошло. Мы тоже сделали вид, что всё в порядке.

В конце концов, у нас уже были визы, билеты на самолёт, заявка на экспедицию и всё такое прочее.

Он оказался той ещё коварной сволочью, пик Мак-Кинли — первый раз мы штурмовали вершину за полярным кругом — но отступать никто не собирался. И чего-то в этом роде ждали.

С самого начала не задалась погода. Вернее, мы вышли, когда было тепло и тихо, мороз стоял градусов восемь-десять, светило солнце — но уже к вечеру первого же дня похолодало до двадцати пяти, хлестанул ветер, нагнал туч, и снег лепил, как будто в лицо кто с размаху швырял крупным песком.

И восточный склон Мак-Кинли — то ещё местечко. Лёд и

гранит, базальт и лёд, обманная порода, опасная, каждый вбитый штырь для страховки надо по нескольку раз перепроверять, потому что то и дело крошится камень, и трещины ползут. И мы с Кондратием очень быстро поняли, какой Тошка ценный у нас участник партии.

Тащил он больше нас — известно, робот. И по склону шёл, как муха по стене: в ледорубе не нуждался, из пальцев выдвинулись и жёстко закрепились этакие лезвия, врубавшиеся в лёд и даже в камень. Реакция у него была зашибенная, ничего не скажешь, погоду он чуял. Но самое главное — были в Тошке какие-то датчики или сенсоры, реагирующие на состояние горы. От такой штуковины внутри и никто из нас не отказался бы.

Здесь, в пути к вершине, Кондратий к Тошке изрядно подобрел. Не то, чтобы совсем перестал его цеплять, но прежней злости в тоне стало уже не слыхать, скинул обороты-то. Они слегка пререкались, а мы с Крюком посмеивались — слишком уж стало заметно, что восхождение всё расставляет по местам.

Утром Тошка Кондратию говорил:

— Не забывай про солнцезащитный крем. Сегодня ожидаются ясная солнечная погода при температуре воздуха тридцать два — тридцать пять градусов ниже нуля и ветер порывами до восьмидесяти метров в секунду. Кожа должна быть защищена от ожогов и переохлаждения.

А Кондратий огрызался:

— Отвали, зануда электронная.

Тошка смотрел, склонив голову набок, приподнимал брови и скорбно сообщал:

— Ты чересчур беспечен, это меня огорчает. Тяжёлые солнечные ожоги провоцируют отёчность мягких тканей, особенно страдают веки — и альпинист, пренебрегающий…

Кондратий вынимал из рюкзака тюбик и совал Тошке в нос:

— Ну вот, вот! Мажу, вот! Отключись!

— Я удовлетворён, — сообщал Тошка благодушно.

— Привидение с мотором, — бурчал Кондратий, втирая крем в физиономию. — Свою рожу намажь, образина железная…

— Моя образина не нуждается в дополнительной защите от ультрафиолета, — готовно сообщал Тошка. — УФ-фильтры не позволяют…

А Крюк отворачивался и принимался паковать спальные мешки, чтобы Кондратий не видал, как ему хочется заржать.

Перепалки — перепалками, а отношения-то налаживались. И Тошка был тёплый.

Это, может, оказалось даже важнее, чем его страховка, и метеосводки, и лавинный датчик. Потому что переохлаждение в

горах подбирается тихо, как вор: вот ты идёшь вполне бодро, и всё, вроде, ничего — и вот тебя уже трясёт так, что зуб на зуб не попадает, от яростного холода сводит мышцы, ни о чём не можешь думать, кроме тепла. А вокруг — пустая пустыня, мёртвые небеса, обледенелый гранит, град, как осколки стекла, и ветер, который прямо до самой души студит, до костей — и кровь, кажется, застывает в сосудах острыми кристаллами.

Вот буквально — выстуживает волю. Хочется чуть ли не маму звать: «Погрейте меня, погрейте!» — кусочек тепла кажется в жизни самым важным. И эти моменты Тошка отслеживал.

Он раскочегаривал внутри себя обогреватель, и прямо пар валил, снежинки таяли на подлёте. Обнимешь его, словно плюшевого мишку в детстве — и всем телом чувствуешь, как отпускает. Как внутри тают эти кристаллы, всё разжимается, можно чуть передохнуть — и идти дальше. Живёшь!

А робота впрямь хочется погладить. Как доброго пса.

И Крюк говорил:

— Тошенька у нас — сокровище. Что такое тащить печь — все помнят? Да и не отогреешься раньше стоянки. А Тошенька у нас — зверь полярный, что бы мы без него делали…

А Кондратий фыркал:

— Ага, полярный зверь — песец. Ну, если кто из вас растреплет, что я тут обнимался с роботом — не жить вам, так и знайте!

Но Тошка возражал:

— Прошу не рассматривать в качестве объятий действия по оказанию первой помощи, — и мы с Крюком уже и не скрывали, как это дико смешно.

А на стоянках мы заваривали чай способом хай-тек — Крюк подключал кипятильник со специальным разъёмом куда-то в Тошкину шерсть. И Кондратий хмыкал и говорил:

— Ага, гибрид йети с микроволновкой! — а Тошка с невинной миной констатировал:

— Если тебя оскорбляет такой способ кипячения воды, то можешь попытаться разжечь на этом склоне костёр. К сожалению, за топливом придётся спуститься на три тысячи восемьсот шестьдесят метров — а печку, как тебе известно, мы не взяли.

Но Кондратий брал горячий стакан. Слишком уж сильное это наслаждение, невозможно отказаться.

К концу недели, с утра, распогодилось, солнце сияло во всю мочь, было пронзительно холодно, и ветер завывал, как сотня чертей. И до вершины казалось рукой подать — уже очень хотелось дойти побыстрее, оставить наш флаг под этим солнцем.

Утро было такое прекрасное, а вершина сияла так близко, что

нетерпение всех жгло, просто поджаривало пятки.

Крюк сказал:

— Нет смысла собирать вещи. Давайте оставим палатку на стоянке, самое тяжёлое — тоже тут, а сами пойдём к вершине налегке, а? Ведь часика в три уже будем там, на крыше мира, мужики!

— Крутая мысль, — говорю. — Да мы уже к двум туда выйдем, погодка-то разыгралась! — и Кондратий покивал.

А Тошка беспокоился. Всё время подтормаживал и будто прислушивался — мы уже знали, что он слушает эфир, радиосообщения в горах, а помимо — ещё и звуки самих гор, выбирает опасные. Некоторое время он, видимо, анализировал информацию, а потом сказал:

— Идея не очень хороша. Мне не хочется, чтобы вы оставляли тут палатку и вещи. И я предложил бы слегка изменить маршрут. Пойти вдоль гранитного гребня. Моих данных недостаточно для определённого вывода, но мне кажется, что здесь небезопасно. Вдобавок, мне не нравится состояние атмосферы, а ветер, похоже, будет усиливаться. С севера идёт снежный фронт.

Мы посмотрели на север, но облака казались сизой полоской на отмытом ветром горизонте.

— Там склон — только что не отрицалка, — фыркнул Кондратий. — Самое оно сломать шею. А если мы пойдём с рюкзаками, на вершине и в четыре не будем.

Тошка кивнул.

— Склон непростой, ты прав. Я буду следить за всеми и подстрахую. Но здесь опасно. Я ощущаю еле заметные вибрации и подозреваю, что здесь может сойти лавина.

И Крюк сделал вывод:

— Ша, идём налегке, иначе будем телепаться до вечера, это раз. И два — вдоль гранитного гребня. Я Тошке верю, перестрахуемся.

Сказано — сделано, мы пошли налегке.

Подъём тут был очень крут, и уже часа через два мы поняли, что напрасно загадывали — склон просто душу выматывал. К тому же холодало, а небо начало стремительно темнеть, и ветер всё усиливался. Хрустальное утро превращалось в ледяной пасмур.

Бодрого темпа не вышло. В полдень мы кое-как выдолбили ледорубами нишку между гранитных выступов и остановились в ней отдышаться. У меня от напряжения руки и ноги тряслись мелкой противной дрожью, а ветер нёс снежную пыль, как наждак, и швырял её в лицо горстями. Мы прижались к Тошке — мы с Крюком с боков, а Кондратий к спине — и пытались

согреться и выровнять дыхание.

И вдруг послышался нарастающий гул, а мы почувствовали, как в такт с нашими усталыми мышцами дрожит каменная плита. Тошкин бок был очень тёплый, прямо горячий — но мысль меня обледенила вмиг.

Гул прошёл, как волна, и стих внизу.

— Лавина сошла, — сказал Крюк тихо-тихо, а я вдруг понял, что глажу Тошку по голове, по пушистой шерсти. Глажу, глажу…

Нас защитил гранитный гребень. Лавина сошла западнее, прямо на нашу стоянку. Мы переглянулись: все поняли, что от стоянки мало что осталось.

— Ничего, — сказал Кондратий. — Мы уже дошли. Ещё один рывок, мужики, и мы — боги. А стоянка… ну, что ж, подберём на спуске, что найдём… в конце концов, мы уже победили.

— Да, — сказал Тошка. — Пойдём вдоль гребня и дальше, склон будет более пологим — я просмотрел фотографии со спутника. Вершина рядом, а вибраций я больше не ощущаю.

Мы дошли часам к четырём. Было жутко холодно — температура рухнула до сорока пяти и всё понижалась. Ветер завывал и свистел, но небо стало немного светлее — и весь суровый мир, все ледяные просторы Аляски расстилались у нас под ногами от горизонта до горизонта. Этот дикий север принадлежал нам одним, мы смотрели на него из-под мрачных небес — восторг просто захлёстывал душу и грел изнутри.

Мы поставили флаг и сфотографировались. И Крюк неожиданно вытащил из кармана парки пластмассовую фигурку, модельку робота, и кусок проволоки. Мы удивлённо пронаблюдали, как Крюк примотал этого робота к древку флага, у самой земли.

— Пара сезонов — и конец ему, — хмыкнул Кондратий.

— Неважно, — сказал Крюк. — Какая разница. Мне просто хотелось очень. Пусть будет. Тебе нравится, Тошка?

Я обернулся к Тошке, а Тошка с сосредоточенным видом слушал что-то, что мы расслышать не могли.

— Ты чего? — спросил Крюк.

— Ниже и западнее нас лавина накрыла двух альпинистов из Канады, — сказал Тошка. — Они оба получили травмы, один из них без сознания, второй, очевидно, только что очнулся и пытается вызвать вертолёт. База только что ответила, что это невозможно — крайне тяжёлые погодные условия. Ожидается снежная буря.

Вот такушки.

Мы переглянулись, и Кондратий сказал с тоской:

— Не найдём. Снег.

— Я запеленговал сигнал, — возразил Тошка. — Могу чётко описать их местонахождение. Они находятся на восемьсот метров ниже той площадки с уступом, на которой мы останавливались вчера вечером. Вертолёт туда не доберётся даже при идеальных погодных условиях, тем более — при шквальном ветре и снегопаде. Температура продолжает понижаться. К ночи опустится до пятидесяти-пятидесяти пяти — и они погибнут от переохлаждения, даже если их не убьют травмы.

— Надо бодро спускаться, — сказал Крюк. — Всё равно с вершины один путь, вниз.

— Им, скорей всего, в госпиталь надо, — сказал я. — С хорошим оборудованием. Что мы сможем…

— Тошка справится, — сказал Крюк. — Лишь бы найти.

— У меня недостаточно данных, — сказал Тошка. — Я не могу утверждать, что справлюсь. Но раздумывать об этом нет времени. Нам надо торопиться, не теряя бдительности. Начинается снегопад.

— Вызови базу, — сказал Кондратий. — Сам вызови. Пусть не сидят там на заднице ровно.

— Мой сигнал ничего не изменит, — грустно сказал Тошка. — Спасатели могут только сидеть на заднице ровно или встать с неё, чтобы походить вокруг собственного кресла. Подняться до вечера на пять тысяч метров они не успеют ни при какой погоде.

— Всё, — подытожил Крюк. — Спускаемся.

С вершины всегда чуть печально спускаться. Но тогда чувство было посложнее на порядок; я спускался и думал о канадцах и о лавине. Мы тоже могли попасть под эту лавину. Никто, даже такая потрясная машина, как Тошка, не предскажет в горах ничего точно.

— Дима! — крикнул мне Тошка. — Ты рассеян! Соберись!

— Ага! — крикнул я в ответ, и тут же моя нога соскользнула со скального выступа.

Я бы летел по склону кубарем, если бы не робот. Реакция и скорость на склоне у него были нечеловеческие — Тошка перехватил трос и поймал меня за руку своей обезьяньей ногой. Меня прямо в жар кинуло от облегчения, я вцепился в его лапищу, нащупал ногами опору — и услышал:

— Дима, «спешить» и «суетиться» — совершенно разные вещи. Соберись, пожалуйста.

— Холодно, — сказал я, и с минуту грелся об его мохнатый бок. После этого в голове что-то прояснилось, и тело стало слушаться лучше.

Мы спустились к небольшому плато, где осталась наша палатка. Палатка пропала, её снесло куда-то ниже; Кондратий

крикнул, что видит метрах в двухстах внизу что-то оранжевое — надо думать, либо палаточный тент, либо рюкзак Тошки. Двигаться было очень тяжело — лёд казался страшно ненадёжным, а снег так скользил, что мы опасались, не вызовем ли новую лавину.

И холод становился нестерпимым. Ветер нёс град или жёсткую снежную крупу, всё вместе студило прямо-таки до костного мозга. Ужасно хотелось найти какую-нибудь расселину и пересидеть там бурю в относительном тепле и безопасности, но тем, внизу, было гораздо хуже.

Нас просто гнала мысль, что нам тут холодно, а они там умирают.

Оранжевое внизу оказалось Тошкиным рюкзаком. Ещё мы нашли рюкзак Кондратия, который застрял между камнями, но палатки нигде не было. А день катился к вечеру ужасно быстро — уже начинало смеркаться.

— Я опять его слышу! — крикнул Тошка, перекрикивая вой ветра. — Только СОС — и отключил рацию. У него уже нет сил говорить долго. Но мы довольно близко.

Думать было тяжело, мы выбивались из сил — но я подумал, что канадцы для нас уже свои и спасать мы их собираемся не просто как альпиндяев, попавших в беду, а как своих. И что это каким-то образом сделал Тошка, хотя он, вроде бы, и не говорил ничего особенного.

— Темнеет же! — крикнул Кондратий. — Мы ни хрена ж не найдём!

— Найдём! — отозвался Крюк. — Тошкин пеленг!

— Тёмное пятно ниже и левее — это парка канадца с рацией! — крикнул Тошка. — Мы их уже нашли!

И я подумал, что должно бы уже и отпустить, но не отпустило. Потому что было не видно, живы они там или нет.

Он был молоденький совсем, этот парнишка с рацией — года двадцать два, двадцать три, не больше. Он кожу ссадил на виске, скуле и ниже, кровь текла и замёрзла, вид у него был, как у замороженного зомби — и он пытался греть своего напарника, бородатого мужика заметно старше. А я никак не мог определить, имело ли смысл его греть, или там уже всё: лицо у бородатого было совсем отрешённое и пустое, как у мёртвого, снег колотил по нему, как по скале.

Тошка на молодого сильное впечатление произвёл — он даже встряхнулся, выпал из этой полумёртвой апатии замерзания. Кажется, думал, что галлюцинации начались — пока Тошка и Крюк ему не объяснили суть по-английски. Крюк лихо говорит по-английски после кучи международных экспедиций. Я-то — нет…

Парнишка что-то пробормотал, и Крюк перевёл:

— Брат его старший, опытный зубр, не повезло. А сам он впервые на такой горе, салажонок.

Мы младшего пересадили так, чтобы он прижимался к Тошкиной спине. С ним всё было ясно: нога ниже колена сломана вдребезги, кусок кости порвал брючину, кровь замёрзла. И мы с Крюком вправили кость, как смогли. Шины тут было, конечно, не найти — и мы примотали его ногу к рукояти ледоруба. Потом вкололи противошоковое и заварили ему чаю: он на нас смотрел, как на ангелов.

Пока Тошка занимался его братом.

Я знать не знал, что у Тошки внутри целая аптека, не чета нашим аптечкам — плюс операционная. Но он снял с груди пластинку с шерстью, а под ней оказалась совершенно неожиданная панель с подсветкой и крохотными дверцами или задвижками. Из одной такой дверцы он вынул скрученный пластиковый зондик, подсоединил к нему стерильную иглу из какого-то патронташа, где иглы лежали целыми обоймами — разрезал рукав парки на старшем и всунул эту иглу в его вену, быстро и чётко. А потом ввёл в другую руку, в мякоть, противосудорожное из одноразового шприца — и всё это комментировал по-английски, спокойным тоном. Я так понял, для младшего, чтобы тот не психовал особо.

А нам с Кондратием переводил Крюк:

— Говорит, что у старшего тяжёлое сотрясение мозга, кома, но видятся неплохие шансы. Сломаны три ребра, обе ноги, мягкие ткани, говорит, в паршивом состоянии — обморожение. Принимает меры.

Младший канадец прижимался к Тошкиной спине всем телом и щекой, кровь у него оттаяла, потекла, Тошка был весь в крови — но мы все видели, что ему совершенно не мешает. Он только время от времени просил младшего не делать особенно резких движений — так парень и не делал, совсем измотался и морально, и физически.

Его ногу Тошка посмотрел уже потом. На всякий случай — с ногой мы и сами более-менее справились.

А пока Тошка работал, мы рубили ледорубами нишу в толстом слое льда, поглубже. И потом устроили там нечто вроде временного лагеря: какая-никакая защита от ветра, всё-таки потеплее, чем на открытом склоне.

В эту нишу мы перенесли канадцев. Молоденький плакал из-за брата, но Тошка начал ему что-то говорить, и он успокоился потихоньку. А старший так и лежал, ужасно спокойно, как труп. Мороз к ночи упал лютый, хорошо за пятьдесят; если бы не

Тошка, который всех грел, этой ночи без палатки на голом склоне никто не пережил бы, ни мы, ни канадцы.

А так мы даже немного поспали. И Кондратий, засыпая, пробормотал, что «хорошо, когда кто-то в партии настолько шарит в медицине», а я ещё успел про себя улыбнуться, что Тошка уже «кто-то в партии», а не робот.

Старший канадец утром неожиданно очнулся и заорал, так, что мы вздёрнулись спросонья, как ошалелые. То ли бредил, то ли Тошку увидал и не смог адекватно оценить, но орал и пытался отбиваться. Мы с младшим еле его успокоили, пришлось держать руки, а Тошка, что-то говоря по ходу дела, ещё вколол, церебролизина с баралгином, насколько я понял.

У старшего лицо опухло, глаза сузились в щели, сосуды полопались — этакая красноватая синюшность. Выглядело довольно жутко, но младший был рад без памяти, что его брат жив. Явно думал, что теперь-то прийти в себя окончательно — дело времени. Интересно, что Тошка тоже так думал.

К утру буря поутихла, даже проглянуло солнышко, но было по-прежнему холодно. И Тошка напомнил всем, что надо намазаться солнцезащитным кремом; нас, русских, почему-то пробило на хохот. Канадцы сперва смотрели обалдело, а потом им Крюк объяснил, что Тошка-аккуратник о креме заботится даже в такой пиковой ситуации — и они тоже поулыбались. А Кондратий сказал:

— Тош, ну ты давай, покричи на базу, пусть, перетак их, вертолёт вызывают! Или им погода опять не слава Богу?

— Я вызываю их уже четверть часа, — сказал Тошка. — Они могут прислать вертолёт на плато, которое мы все проходили на подъёме, здесь им мешает скальный выступ. Нам придётся спуститься на двести тридцать метров.

— Ну, хорошо, — сказал Крюк, — Дэйва мы как-нибудь спустим с его лодыжкой. А Билл? Его, наверное, вообще лучше не трогать?

— Билла вы пока оставите со мной, — сказал Тошка. — Здесь ему относительно тепло и относительно безопасно. А пока вы будете спускать Дэйва, я что-нибудь придумаю, — и перевёл Дэйву это всё.

Так и порешили. С Дэйвом вышло просто, мы его спустили в обвязке, Крюк — снизу, Кондратий — сверху, а я подстраховывал. Потом оставили с ним Крюка и поднялись к Тошке.

А Тошка за это время вытряхнул барахло из всех имеющихся рюкзаков и смастерил из них, тросов, ледорубов и прочей бытовой ерунды некое подобие носилок. На эти носилки он уложил Билла и зафиксировал, насколько я понял, очень здорово.

И мы его спустили аккуратно и легко, как в кино. Крюк только присвистнул, когда увидел.

Мы стояли на плато, когда с неба затрещал вертолёт — и звук этот показался форменным ангельским пением. Восхождение вышло совершенно особенным, вместилось в него разного… сразу и не определишь, какая сложная и странная начинка.

Мы проводили канадцев до больницы.

Обошлось, конечно, не гладко: всё-таки мы добирались долго, а условия были — сами понимаете. Биллу, бедолаге, ампутировали ступню и пальцы на другой ноге, да ещё и на руках несколько фаланг — тяжёлое отморожение. Дэйв тоже потерял несколько пальцев. Но у них обоих был такой вид, будто они выиграли главный приз: Билл сказал, что всё это — так, препятствия на пути к вершине, но какие препятствия остановят настоящего альпиниста, а Дэйв заявил, что отправится с Биллом в новую экспедицию, как только тот будет готов.

Маньяки канадские, наши люди. Отличные парни, в общем. Мы даже обговорили такую тему, не стоит ли в плане разминки и подготовки походить вместе где-нибудь, где потеплее и пониже.

Дэйв сказал:

— Только с Тони-Йети, — и закопался пальцами в его шерсть, как будто пса ласкал. Тошка только улыбнулся.

И Кондратий сказал:

— Ну да! Мы, русские, обычно работаем одной командой, старые друзья, то-сё… — и врезал Тошке по спине. — Тошка у нас кадр ценный. Он Крюка на Памире тащил с точно такой же травмой, как у тебя, Дэйви.

Тошка тихонько улыбался. А я подумал: вот интересно, Кондратий сам понимает, что говорит?..

— Что отвечать на глупости… Немцы заплатили за то, что в команде будет электронный инструктор — нам и прислали Тошеньку. Я впервой Галатею видал, всё время к нему приставал с расспросами… много трындели, в общем. Подружились как-то. А потом была шикарная работа, да я сорвался, сломал лодыжку. Там маршрут-то — знаешь? Я бы, может, и не дошёл, если бы не Тоша… Да что — «может»! Остался бы на леднике, стопудово! Буран начинался, парни сами еле шли.

Кондратий снова ухмыльнулся.

— Ну, дык. Известно — робот.

А у Крюка — так и тень, и глаза потемнели. Что-то он хотел объяснить, но не мог, слов ему оказалось не подобрать. Забавно, что, кажется, и Соня тоже взглянула хмуровато. А Тоша забрал девчонок: «Вы шумите, а папе с друзьями поговорить хочется», —

и ушёл из кухни. Будто не захотел слушать, что про него говорят — или Крюку руки развязал.

А Кондратий опять своё:

— Ты его купил, что ли? Дорого дал? Шикарная игрушка, конечно…

Крюк хлопнул полстакана залпом — и видно, как злится и думает, но мысли никак в слова не умещались: альпиндяй, а не поэт, ясное дело.

— Кондрат, — говорю, — чего ты к нему пристал? Видишь, не хочет он говорить — а лезешь.

Кондратий только хмыкнул:

— Я вот не пойму, что такого-то? Ну, прикольно, Крюк робота купил — а я вот таких только в роликах видел, знаешь — «Чудеса мехтехники». Интересно же, что, почём, как оформлял — да и вообще… Сам сказал, что надо поговорить, а сам молчит, как воды в рот набрал. Чё я-то плохого делаю?

Крюк на него посмотрел с тоской.

— Дуришь ты, Кондрат, вот чё. Говорят тебе, дураку: не игрушка Тошечка и не вещь. ИскИн он, вроде как электронный человек. Личность. Друг мой.

— Но ты его купил? Купил. Он сделан на фабрике? Сделан. Прочее — блажь, нет?

Крюк хотел кулаком по столу — сдержался.

— Да какая разница, кто делал — инженеры или мамуля с папулей! Он не на фабрике — есть в Канаде такая фирмочка, там со всего мира энтузиасты, делают их, ИскИнов, Галатей, каждого — отдельно, по нескольку месяцев тратят. И… душу вкладывают… не знаю.

Кондратий улыбнулся, как ехидный кот:

— Ну, Крючок, душу можно и в валенки вложить, дело подхода. Канадская фирма, значит… В Сети почитать любопытно. Но ты скажи, сколько платил-то? Ведь дорогущая игрушка…

Тут уж Крюка сорвало:

— Да не игрушка, ёлки-моталки! Да, платил! Да, предлагал ассоциации скинуться, чтоб у нас инструктор-мех был, только они меня и слушать не стали, такие же обломы, как и ты, Кондрат, Господи прости! И — да, я его фирме заплатил, они же вложили много, когда делали Тошку, а я его сманил, чем им компенсировать-то, как думаешь? Дедушкину дачу продал, доволен?! Но это плата фирме за контракт, а не покупка пылесоса, блин!

У меня вырвалось:

— Ядрён батон, ты, Крюк, спятил! Я даже и представить не могу, сколько она стоила, дача деда твоего на Вуоксе — если уж у

тебя и было что ценное…

А Крюк, вроде, даже оттаял чуток.

— Хорошо стоила, ага. Но всё равно не хватило. Они мне скидку сделали большую: Тошка тоже очень хотел со мной поехать. Друзья мы, говорю. Сработались хорошо. Мы с ним собираемся на Аляску, я хотел вас позвать. С юсовцами договорились. Юсовцы на безопасности помешаны, а у Тошечки — диплом горного спасателя и сертификат мех-безопасности высшей степени. Легко дали разрешение.

Кондратий оживился:

— Аляска — это дело. Ещё бы робота туда не тащить — так и совсем бы сказка. И-йех, дожить бы до сезона! Смерть, как хочется…

Крюк улыбнулся:

— И нам хочется. Но я Тошку и сманил Аляской, без него — как же? Я ему обещал. И в горах он — сокровище, чудо он в горах, так что я вот что. Я хотел звать тебя и Димку, а Тоша у нас будет электронный инструктор. Так и оформлял заявку на маршрут. А теперь выслушаю, что скажете.

Что скажем… обсуждали уже поспокойнее, визы, маршрут, припасы, снаряжение, но всё время разговор сворачивал на Тошу. Соня обычно никогда в альпиндяйский трёп не лезла, она вообще не из разговорчивых, тихая очень, но нынче день был особенный. Настал момент — и она вставила слово.

Когда Кондратий сказал, что нервит его, всё-таки, робот в команде.

— Ну ладно, — говорит, — на Памире он хорошо сработал. Но ты скажи, Крючок, что будет, если он с нарезки слетит или глюк у него случится программный? В ассоциации тебя ведь поэтому слушать не стали, да? Роботы — они же машины, машины ломаются, сбои бывают всякие. Вот если он рехнётся, что тогда?

Крюк прищурился, выдал:

— А кто боится случайностей, Кондратик, тот должен дома сидеть. Перед телевизором. И чипсы в это время с пивком не грызть: вдруг пивом захлебнёшься или чипсом поперхнёшься, что тогда будет? Я угораю, чисто угораю по тебе! А если лавина сойдёт? А если камень треснет, когда будешь штырь вбивать? А если крыша у кого-нибудь поедет от перепадов давления — тогда что?

Кондратий вскинулся:

— Ты рамсы-то не путай, я вижу. Горы есть горы, но зачем заведомую проблему с собой переть, ума не приложу…

Вот тут Соня и не выдержала.

— С ним мои дети играют, Кондрат, — говорит. — И он им лучше всякой няньки… Я, конечно, не технарь, я не знаю, как у него в голове что устроено, но любит он девчонок, Тоша, понимаешь? И нас с Игорем любит — не могут так простые машины…

Кондратий только фыркнул.

— Сонечка, — говорит, — ты прости, конечно, но вся эта электроника тебе изрядно заморочила голову. Ну не может машина любить детей, да и вообще кого-нибудь, понимаешь? Программа у неё: служить людям, слова всякие, действия… Тебе кажется. И Игорю кажется. Иллюзия, программа такая. И сбиться может, как всякая программа. Пока он в порядке — «любит», так сказать, а вот слетит с катушек — и будет делать, что баг велит. Хоть головы отрывать, хоть в стенки вколачивать…

А у Сони — тут же слёзы, хоть она и не плакса совсем.

— Ты не понимаешь! — говорит. — Не понимаешь, Жорка, и понять не хочешь! С ума и человек может сойти, а сойдёт — тоже начнёт головы отрывать. Думаешь, наша конструкция прочнее?!

Крюк её обнял и говорит тихо:

— Ни одна Галатея ещё не ломалась. Троекратный запас прочности у них. Любой прочности — и этой вот, душевной, тоже. Но я всё понимаю: и человек может сбрендить, а самолёт может упасть. Ну и что? По этому поводу нам самолётами не летать и с друзьями не общаться? Вот ты мне что скажи, Кондратушка: может, я должен думать, не опасно ли мне тебя в горы брать? А вдруг ты меня треснешь башкой об скалу и подыхать бросишь? Вдруг ты меня уже давно втайне ненавидишь, а? Докажи, что нет.

Кондратий даже растерялся. Забормотал что-то, вроде: «Ты чё, Крюк, не знаешь меня, что ль…» — но Крюк дожал.

— А вот не знаю. Чужая душа — потёмки. Может, у тебя опухоль мозга, а может, ты в Соньку влюбился. Никто ничего ни о ком не знает. Вот я тебе верю, что ты мне друг — а вдруг ты врёшь? Мало ли было случаев, когда продавали друзья?

Кондратий замолчал, глаза опустил, желвак по скуле ходит. Буркнул глухо:

— Я думал, ты мне настоящий друг.

А Крюк:

— Да, — говорит, — настоящий. Я помню, какой ты на маршруте. Потому и зову тебя на Аляску, потому и жизнь тебе доверить не боюсь, и не думаю, что ты засбоишь или сломаешься. Вера называется, понимаешь? Но ведь и ты мне поверь. Я тебя когда-нибудь обманывал, а, Кондрат? Или, может, тащил с собой в команду какую-нибудь дрянь?

Кондратий только головой мотнул. А Крюк двинул его по

спине:

— Ну и забудь. Считай, что в команде у нас новый человек, если тебе так легче думается. Но я Тошке обещал на Аляску — и я ему тоже врать не буду. Обязан я ему, и друг он мне. Если тебе уж так противно с ИскИном в одной команде идти — ну, что, не потащу я тебя силой. Хоть и жалко очень, уже лет пять ведь думали об Аляске, а?

Кондратий мялся-мялся, но выдавил всё-таки:

— Не, ну зачем… Решили на Аляску в этот сезон — значит, едем. Чего там. В конце концов, был же этот робот с тобой на Памире…

Тут уж я не выдержал:

— Ну что, — говорю, — ты ломаешься как девка, Кондратий? Ты вспомни, КАК он был на Памире с Крюком — ведь рекомендация, нет?

И так вот, вдвоём с Крюком мы его дожали. Но в тот вечер и Тоша на кухню не вышел — слышно было, как в комнате с девчонками играл — и Соня не вступала больше. И какая-то заноза крохотная осталась. Вроде, обо всём договорились, но что-то всё время свербило, как в глазу.

И не выморгать.

Собираться начали загодя, а поехали в начале мая.

А пока собирались, пока готовили снарягу, припасами обзаводились — всё время общались с Тошей, волей-неволей. И всё, что в моей голове было ясно, стало довольно-таки смутно и странно.

Я ж на том стоял, что человек есть человек, машина есть машина. Что машине прикажешь, то и сделает, свободной воли у неё нет и быть не может. И мыслить машина не может, разве что — изображать мышление. Долго ли нас, глупых людишек, обмануть-то? Вон, девчонки на нём, на пушистеньком, виснут, мягкий он, тёплый — им и радостно. Всё равно, как мелких обезьянок, если осиротеют, не дай Бог — на плюшевых медведиков сажают. Им тепло, приятно — и с потребностью в любви всё хорошо.

Нам, людям, самим важно любить. А уж что — дело пятое. Человек может и вовсе неживой предмет возлюбить со страшной силой, аж до стояка — хоть шикарный автомобиль, хоть куклу, хоть ношеные девчачьи трусики. А как полюбим — так и додумываем. И нам только дай заграбастать объект наш в обе пригоршни и вцепиться до белых костяшек. И что там объекту, каково ему — нам до фени уже.

Поймать, как говорится, котёнка и загладить до смерти.

Как моя бывшая.

Это у Крюка все дела хороши по всем фронтам. А у нас с Кондратием — глубоко не так.

Моя четыре года назад вильнула хвостом и ушла, и малого забрала, да ещё и бенефис устроила напоследок, мол, свернёшь когда-нибудь в горах башку — туда и дорога, но пацана с пути не сбивай, не дам. По душе резанула сильно, но дело известное — ждать с гор не все женщины могут. Другая сидит и психует: а ну, как разобьётся или покалечится? И куда ей тогда? И вся любовь. Ушла и скоренько нашла себе — хоть тоже дома не бывает ни фига, но не по обледенелым скалам лазает, а в банке башли сшибает, не разобьёт башку, негде. Разве что к любовнице уйдёт.

У Кондратия ещё хуже вышло. Его красотуля к приезду любимого с гор основательно подготовилась: шмотки его собрала в чемодан, да хорошо ещё не выставила за дверь. А на его постели уже другой журнальчик листал и дожидался, пока красотуля разберётся с нудным альпиндяем. Грязный обман получился и подлый, так Кондратий уже и не доверяет ни женщинам, ни другому кому-нибудь — только старым друзьям, с которыми был на маршруте.

В общем, если бы не Крюк со своей Соней, в любовь, которая не о том, как бы себе захапать, уже и не верить бы. Но вот, наглядно: не оспоришь. Да ещё и дети. А теперь ещё прибился Тошка.

Машина, само собой, любить не может. Но его всё семейство Крюковых, включая кота Муркентия, любило чисто конкретно. И было за что, если уж откровенно говорить: умные люди Тошу делали и подошли к работе творчески — ничего не пожалели.

С Сониной точки зрения Тоша стоил шикарной двухэтажной дачи на Вуоксе — да Соня и говорить об этом не хотела. У неё появлялись такие интонации, словно она настояла, чтоб муж выкупил с плантаций негра, который спас ему жизнь. Но, кроме того, гад буду, Тоша был её подружкой. Я слыхал краем уха, как они трындят о каких-то женских делишках, тряпчонках, причёсках, сериалах — и у Тоши даже голос становился выше, не как у взрослого парня, а как у подростка или ребёнка. И ему было не впадлу помогать Соне на кухне или по дому; он бы и в магазин ходил, и ещё куда, но, всё-таки, люди шарахались — очень уж Тоша был удивительный. Йети как есть.

Но зато с теми из семейства, кто уходил на улицу, Тоша поддерживал постоянную связь. У Крюка было несколько комплектов, вроде телефонной гарнитуры — надевается на ухо, но куда сложнее, чем телефонная, как я понял. В этой крохотной штуковине много всего было наворочено. Такую гарнитуру всегда носила Лидка — ей все подружки завидовали, что у неё дома

живёт робот и говорит с ней по телефону. И эта гарнитура здорово лечила вечные Сонины нервы и тревоги.

Уже прямо перед нашим отъездом, в конце апреля, Тоша всё-таки ушёл из квартиры. И принёс Лидку в одной туфельке, горько ревущую. Вторую туфельку, мокрую и грязную, завёрнутую в какой-то случайный пакет, Лидка держала в руках.

Тоша бы не стал вдаваться в подробности этого приключения, но Соня настояла. Выяснила, что Лидка с одноклассниками прямо из школы направились в соседний микрорайон, к громадной яме, полной воды, что осталась от старого песчаного карьера — городские власти никак не соберутся почистить это безобразие и разбить вокруг скверик с прудом, хотя в газетах и писали. Сперва малявки глазели на чаек и швыряли в воду камешки, а потом разыскали у берега какое-то подобие плота из трёх брёвен. И Лидка решила забраться на этот плот. Тоша, который за ней следил, уж Бог знает, как — камерой или ещё каким-то хитрым образом — попросил через гарнитуру этого не делать, но на Лидку нашёл шаловливый стих.

Тоша сказал: «Хорошо, только не запрыгивай двумя ногами», — и тем спас ей жизнь. Она всего лишь утопила туфлю. А робот оказался на месте минуты через четыре — и даже Крюк потом поразился его скорости. Что по улице серебряная горилла бегала — после весь двор долго обсуждал. Лидке бы влетело по первое число, но Тоша вступился.

— Это был опасный опыт, — сказал он запоздало перепуганной Соне, обрадованной и взбешённой одновременно, — но ведь человек не может существовать, не получая опыта. Теперь Лида поняла, что опасно наступать на плохо скреплённые брёвна на воде, и что моим словам лучше доверять.

И Лидка висела у него на шее, как обезьянка на том плюшевом медведике, явно чувствуя себя в полной безопасности. А Соня была уверена, что Тоша спас не только её мужа, но и её дочь.

Кондратий, узнав об этой истории, отмахнулся: «Законы робототехники! Они не могут допустить вреда бездействием, вот и всё. Нормально работает программа». Для него единственный плюс тут был в этом «нормально работает». Но я всё это уже воспринял немного по-другому.

Потому что я тоже, как и Крюк, разговаривал с Тошкой.

Всё-таки интересно, что может сказать машина, да ещё такая сложная.

И первый же разговор мне много всего прояснил. Вообще-то, я был уверен, что его говорильная программа будет просто более или менее попадать в смысл, поддерживая разговор. Ну, много

таких виртуальных говорилок есть: вроде, ты общаешься с кем-то, а вроде, он не особо вменяем. Бот, в общем.

Но я ошибся.

Мы паковали обвязки, карабины, страховку — и Тоша делал со снарягой какие-то странные штуки. У него даже, кажется, чуть светились кончики пальцев.

— Ты чего это? — спросил я, а уже потом сообразил, что не осилит машина ответить на такой вопрос. Но Тоша ответил.

— Проверяю металл на возможные внутренние дефекты. Когда вдруг ломается то, что казалось совершенно целым — дело к беде.

Это было так осмысленно, что я сильно удивился. А Тоша продолжал:

— Горы — это множество стихийных обстоятельств, которые от нас не зависят. Но оборудование зависит — а то, что зависит, может быть доведено до оптимального состояния. Верно?

Тогда я подумал, что было бы забавно подначить робота, и спросил:

— Наверно, думаешь, что люди — идиоты, да? Лезут в стихийные обстоятельства, которые им неподконтрольны, рискуют — жутко глупо, правда? Нерационально?

Тоша оторвался от тросов, посмотрел на меня и улыбнулся.

— Я тоже лезу в стихийные обстоятельства. Я был ориентирован на деятельность секретаря и секьюрити, но мне нравятся горы. Я попросил босса сменить мне специализацию и корпус. Я понимаю и разделяю с людьми этот тип жуткой глупости.

Поразил меня этой тирадой, прямо скажем.

— У тебя, значит, был другой корпус? А ты захотел этот? Фантастика…

— Да, — сказал Тоша очень охотно. — Был антропоморфный корпус, тщательная имитация человеческого существа. Но для работы в горах он намного менее удобен, чем модификат «Йети», потому что рассчитан на решение совершенно других задач.

— То есть, тебя запрограммировали секретарствовать, а ты решил стать альпиндяем? Сам дошёл своим умом — или что там у тебя?

Робот опять улыбнулся — улыбка у него была роскошная, не обезьянья, а голливудская.

— У меня, — говорит, — в некотором роде ум. И, пораскинув им, я пришёл к выводу, что именно горы могут доставить мне максимум радости от существования.

— Слушай, — сказал я, офигевая окончательно, — а тебе-то зачем в горы? Людей спасать? Так ведь это не вопрос, везде

можно. Что тебя именно в горы-то понесло, а? Какая программа? И это я о радости уже молчу — ты что, можешь радоваться?

Тоша кивнул. Я всё больше и больше терял ощущение реальности от того, что он говорил.

— Радость — это стимул. Зачем мне делать что-то, что не доставляет радости?

— А приказы выполнять?

— Если бы я был запрограммирован выполнять все приказы людей, вчера вечером я был бы вынужден пытаться достать с неба Венеру — Лёся хотела использовать её в качестве брошки для куклы.

— Умереть — не встать… и чему ты радуешься в горах?

И тут Тоша заговорил проникновенно, почти мечтательно:

— Тому же, что радует вас. Если бы у мехов были души, я бы сказал, что это духовное родство с вами. С Игорем. С Отто и Кранцем. С другими людьми, которых я водил по маршруту. Вы все наслаждаетесь, решая сложнейшие задачи — и я тоже. Непредсказуемые условия, действия в постоянно меняющейся обстановке — это очень сложная задача. Совершив с людьми восхождение, я понимаю, что они чувствуют. Восторг. Им удалось решить этот маршрут. Я чувствую то же самое.

А я чувствовал, что у меня заходит ум за разум.

— Радость… Ты радуешься, если ухитришься решить сложную задачу?

— Да. Как и ты.

— Хорошо. А чем тебя радуют девчонки Крюковы? Или это — вроде побочного эффекта: терпишь ради гор домашнюю работу?

Тоша приподнял брови, как бородатый терьер.

— Дмитрий, я удивлён. Дети — самые непредсказуемые человеческие существа. Они ставят передо мной задачи редкой сложности поминутно — и, как правило, дают крайне мало времени на выбор решения. Общаясь с ними, я постоянно нахожусь в состоянии поиска ответов. Это, как говорит Игорь, кайф.

Я не знал, как к этому относиться. Я сам хотел сказать тоном робота: «Я удивлён». Потому что… не знаю. Я разговаривал с Тошей не как с машиной, но и не как с человеком. От новизны в голове что-то смещалось с привычных тем, с привычного хода мыслей. Слово «робот» как будто меняло для меня смысл.

Так постепенно я начинал понимать, почему Крюк выходит из себя, если кто-то называет Тошу «вещью» — но его привязанность к этому существу меня всё равно поражала. Уходя из квартиры, Крюк постоянно носил гарнитуру. Что-то в этой привязанности мерещилось патологическое; Кондратий прямо выдал:

— Крюк робота любит больше, чем жену.

Но сам Игорь на это только раздражённо хмыкнул:

— У тебя к Тоше какое-то особое отношение, Кондрат. А тебе не приходило в голову, что через него — постоянная связь с Соней и девчонками, а?

Кондратий ничего не хотел слушать. Робот его как-то волновал, цеплял — и Кондратий просто отвлечься не мог, если Тоша был поблизости. Его бесило, что Крюк гладил машину по голове, что Соня иногда тискала робота, как большую игрушку: «Тошечка-лапочка!» — и даже что я иногда заговаривал с ним. Сам Кондратий общался отрывистыми фразами, приказным тоном, кривя лицо. По мне, эти приказы иногда выглядели вполне издёвкой.

Но Тоша всегда был спокоен, как танк. Если он не мог улизнуть от общения, то просто выполнял — или корректнейшим тоном, с непроницаемой миной, объяснял, почему выполнить нельзя. И такое его поведение выводило Кондратия из себя ещё больше.

— Чёртова машина! — плевался он, швыряя в коробку консервную банку. — Как английский дворецкий, итить… Крюк, тебя холуи не раздражают?

— Дурак ты, Кондрат, к тому же упрямый, — возражал Крюк. — Что ж ему, драться с тобой? Так ведь он — машина, тебе не поздоровится.

— Электронный холуй, — фыркал Кондратий. — «Чего изволите-с?» В кайф тебе себя чувствовать рабовладельцем, а?

— Кондратий, — пытался говорить я, — ну что ты до всех докапываешься? Что дуришь? Какой, к трёпаной маме, Крюк рабовладелец?

— А чем мех не раб? — язвил Кондратий. — Подай-принеси, Соне помогает тесто месить, детям сопли утирает, у нас на подхвате. Даром же? Даром. Потому что — вещь, запрограммированная вещь. Крюк себе лакея купил. Дорого, правда.

И в один прекрасный момент Тоша, который слушал эти эскапады и молчал, заговорил в ответ. Потом я думал, что он, видимо, успел собрать о Кондратии достаточно информации для выводов.

— А ты свободен, Кондратий?

Тот осёкся — не ожидал, привык к тому, что робот молчит. И ответил после паузы, вполне заносчиво:

— Я — человек, знаешь ли. Не тебе чета.

— Я знаю, что ты — человек, — спокойно согласился Тоша. — Но спросил, ощущаешь ли ты себя свободным.

— Конечно! — огрызнулся Кондратий.

— То есть, независим ни от обстоятельств, ни от суждений?

— Абсолютно.

— Ты пытаешься себя обмануть, — сообщил Тоша, не меняя тона, без тени раздражения.

Кондратий сжал кулаки и дёрнул щекой.

— Ты кто такой, чтоб меня учить, обезьяна электронная?!

— Я не учу, — возразил Тоша. — Я всего лишь констатирую факт. Ты пытаешься обмануть себя — и меня заодно.

Кондратий шумно выдохнул.

— Ну и чем же я такой несвободный?

— Простейший пример, — начал Тоша таким тоном, каким объяснял Лёсе, почему в дырках ничего нет. — Ты очень хочешь поехать с Игорем на Аляску, чтобы совершить восхождение на пик Мак-Кинли — ожидаешь, что это доставит тебе радость. Я тебе эту радость омрачаю. Но ты не можешь ни заставить Игоря не брать меня с собой — это лишит его радости и огорчит, ни успокоиться и смириться с моим обществом — на это у тебя не хватает душевной гармонии, ни отказаться от поездки — ты слишком долго ждал. В результате ты не можешь ни сделать того и так, как хочешь, ни чувствовать того, что хочешь. Разве это свобода?

Кондратий пыхтел, щурился, но не знал, как ответить.

— Продолжать? — спросил Тоша.

Кондратий оглянулся на нас с Крюком — и вид у него был почти беспомощный.

— Гад ты, — бросил он Тоше в досаде. — Дать бы тебе в морду — да ты железный!

Тоша улыбнулся.

— Прости, Кондратий. Я понимаю, почему я гад. Я ведь делаю то, что хочу, и так, как хочу, хотя я всего лишь электронная обезьяна, механический холуй и вещь Игоря. А ты — нет. Это очень обидно. Я тебе сочувствую, но, к сожалению, не могу помочь. Личная свобода достижима только той личностью, которой она требуется.

— Ты не можешь пойти, куда захочешь! — почти крикнул Кондратий.

— Почему не могу? Разве я не в состоянии передвигаться?

— У тебя нет денег и паспорта! Ты не гражданин!

— Будь добр, Кондратий, объясни, зачем мне паспорт и гражданство. Мне вряд ли придётся когда-нибудь судиться или вступать в брак. Для прочего подходит и технический паспорт.

— Любой человек может сделать с тобой что угодно!

— Вот как? Сделай, ведь ты же хочешь.

— А деньги!

— Я думаю, что мог бы заработать, если бы это понадобилось. Ты ведь понимаешь, как многое я могу делать хорошо. Но в настоящий момент я не нуждаюсь в деньгах.

— Ты — не человек! — рявкнул Кондратий.

— Это правда. И что?

— И не будешь!

— И это правда. Но в чём беда?

И тут Кондратий остановился: мы с Крюком пытались не заржать в голос, а Соня, слушавшая в дверях гостиной, тихонько хихикала.

— Да угомонись ты уже, Кондрат, — сказал Крюк, ухмыляясь во всю пасть. — Не переспоришь ты Тошеньку, он к всемирной Сети подключён и обновления каждый день. А информацией он умеет пользоваться, и язвить умеет — хоть и не любит. Ну что ты на него катишь?

— Да ну вас нахрен! — бросил Кондратий, выскочил в коридор и сдёрнул с вешалки куртку. — Ну вас нахрен с вашими роботами, Аляской и придурью, ясно?!

Грохнул дверью. Крюк смотрел огорчённо, но Тоша тронул обезьяньей лапой его плечо.

— Кондратий вернётся. Он слишком любит тебя, горы и мечту о пике Мак-Кинли. Понимание достижимо, только требует времени, а восхождение всё расставит по местам, не грусти, пожалуйста.

И оказался прав. Кондратий действительно вернулся.

На следующий день он принёс аккумулятор для фонаря и тщательно делал вид, что ничего не произошло. Мы тоже сделали вид, что всё в порядке.

В конце концов, у нас уже были визы, билеты на самолёт, заявка на экспедицию и всё такое прочее.

Он оказался той ещё коварной сволочью, пик Мак-Кинли — первый раз мы штурмовали вершину за полярным кругом — но отступать никто не собирался. И чего-то в этом роде ждали.

С самого начала не задалась погода. Вернее, мы вышли, когда было тепло и тихо, мороз стоял градусов восемь-десять, светило солнце — но уже к вечеру первого же дня похолодало до двадцати пяти, хлестанул ветер, нагнал туч, и снег лепил, как будто в лицо кто с размаху швырял крупным песком.

И восточный склон Мак-Кинли — то ещё местечко. Лёд и гранит, базальт и лёд, обманная порода, опасная, каждый вбитый штырь для страховки надо по нескольку раз перепроверять, потому что то и дело крошится камень, и трещины ползут. И мы с Кондратием очень быстро поняли, какой Тошка ценный у нас

участник партии.

Тащил он больше нас — известно, робот. И по склону шёл, как муха по стене: в ледорубе не нуждался, из пальцев выдвинулись и жёстко закрепились этакие лезвия, врубавшиеся в лёд и даже в камень. Реакция у него была зашибенная, ничего не скажешь, погоду он чуял. Но самое главное — были в Тошке какие-то датчики или сенсоры, реагирующие на состояние горы. От такой штуковины внутри и никто из нас не отказался бы.

Здесь, в пути к вершине, Кондратий к Тошке изрядно подобрел. Не то, чтобы совсем перестал его цеплять, но прежней злости в тоне стало уже не слыхать, скинул обороты-то. Они слегка пререкались, а мы с Крюком посмеивались — слишком уж стало заметно, что восхождение всё расставляет по местам.

Утром Тошка Кондратию говорил:

— Не забывай про солнцезащитный крем. Сегодня ожидаются ясная солнечная погода при температуре воздуха тридцать два — тридцать пять градусов ниже нуля и ветер порывами до восьмидесяти метров в секунду. Кожа должна быть защищена от ожогов и переохлаждения.

А Кондратий огрызался:

— Отвали, зануда электронная.

Тошка смотрел, склонив голову набок, приподнимал брови и скорбно сообщал:

— Ты чересчур беспечен, это меня огорчает. Тяжёлые солнечные ожоги провоцируют отёчность мягких тканей, особенно страдают веки — и альпинист, пренебрегающий…

Кондратий вынимал из рюкзака тюбик и совал Тошке в нос:

— Ну вот, вот! Мажу, вот! Отключись!

— Я удовлетворён, — сообщал Тошка благодушно.

— Привидение с мотором, — бурчал Кондратий, втирая крем в физиономию. — Свою рожу намажь, образина железная…

— Моя образина не нуждается в дополнительной защите от ультрафиолета, — готовно сообщал Тошка. — УФ-фильтры не позволяют…

А Крюк отворачивался и принимался паковать спальные мешки, чтобы Кондратий не видал, как ему хочется заржать.

Перепалки — перепалками, а отношения-то налаживались. И Тошка был тёплый.

Это, может, оказалось даже важнее, чем его страховка, и метеосводки, и лавинный датчик. Потому что переохлаждение в горах подбирается тихо, как вор: вот ты идёшь вполне бодро, и всё, вроде, ничего — и вот тебя уже трясёт так, что зуб на зуб не попадает, от яростного холода сводит мышцы, ни о чём не можешь думать, кроме тепла. А вокруг — пустая пустыня,

мёртвые небеса, обледенелый гранит, град, как осколки стекла, и ветер, который прямо до самой души студит, до костей — и кровь, кажется, застывает в сосудах острыми кристаллами.

Вот буквально — выстуживает волю. Хочется чуть ли не маму звать: «Погрейте меня, погрейте!» — кусочек тепла кажется в жизни самым важным. И эти моменты Тошка отслеживал.

Он раскочегаривал внутри себя обогреватель, и прямо пар валил, снежинки таяли на подлёте. Обнимешь его, словно плюшевого мишку в детстве — и всем телом чувствуешь, как отпускает. Как внутри тают эти кристаллы, всё разжимается, можно чуть передохнуть — и идти дальше. Живёшь!

А робота впрямь хочется погладить. Как доброго пса.

И Крюк говорил:

— Тошенька у нас — сокровище. Что такое тащить печь — все помнят? Да и не отогреешься раньше стоянки. А Тошенька у нас — зверь полярный, что бы мы без него делали…

А Кондратий фыркал:

— Ага, полярный зверь — песец. Ну, если кто из вас растреплет, что я тут обнимался с роботом — не жить вам, так и знайте!

Но Тошка возражал:

— Прошу не рассматривать в качестве объятий действия по оказанию первой помощи, — и мы с Крюком уже и не скрывали, как это дико смешно.

А на стоянках мы заваривали чай способом хай-тек — Крюк подключал кипятильник со специальным разъёмом куда-то в Тошкину шерсть. И Кондратий хмыкал и говорил:

— Ага, гибрид йети с микроволновкой! — а Тошка с невинной миной констатировал:

— Если тебя оскорбляет такой способ кипячения воды, то можешь попытаться разжечь на этом склоне костёр. К сожалению, за топливом придётся спуститься на три тысячи восемьсот шестьдесят метров — а печку, как тебе известно, мы не взяли.

Но Кондратий брал горячий стакан. Слишком уж сильное это наслаждение, невозможно отказаться.

К концу недели, с утра, распогодилось, солнце сияло во всю мочь, было пронзительно холодно, и ветер завывал, как сотня чертей. И до вершины казалось рукой подать — уже очень хотелось дойти побыстрее, оставить наш флаг под этим солнцем.

Утро было такое прекрасное, а вершина сияла так близко, что нетерпение всех жгло, просто поджаривало пятки.

Крюк сказал:

— Нет смысла собирать вещи. Давайте оставим палатку на стоянке, самое тяжёлое — тоже тут, а сами пойдём к вершине

налегке, а? Ведь часика в три уже будем там, на крыше мира, мужики!

— Крутая мысль, — говорю. — Да мы уже к двум туда выйдем, погодка-то разыгралась! — и Кондратий покивал.

А Тошка беспокоился. Всё время подтормаживал и будто прислушивался — мы уже знали, что он слушает эфир, радиосообщения в горах, а помимо — ещё и звуки самих гор, выбирает опасные. Некоторое время он, видимо, анализировал информацию, а потом сказал:

— Идея не очень хороша. Мне не хочется, чтобы вы оставляли тут палатку и вещи. И я предложил бы слегка изменить маршрут. Пойти вдоль гранитного гребня. Моих данных недостаточно для определённого вывода, но мне кажется, что здесь небезопасно. Вдобавок, мне не нравится состояние атмосферы, а ветер, похоже, будет усиливаться. С севера идёт снежный фронт.

Мы посмотрели на север, но облака казались сизой полоской на отмытом ветром горизонте.

— Там склон — только что не отрицалка, — фыркнул Кондратий. — Самое оно сломать шею. А если мы пойдём с рюкзаками, на вершине и в четыре не будем.

Тошка кивнул.

— Склон непростой, ты прав. Я буду следить за всеми и подстрахую. Но здесь опасно. Я ощущаю еле заметные вибрации и подозреваю, что здесь может сойти лавина.

И Крюк сделал вывод:

— Ша, идём налегке, иначе будем телепаться до вечера, это раз. И два — вдоль гранитного гребня. Я Тошке верю, перестрахуемся.

Сказано — сделано, мы пошли налегке.

Подъём тут был очень крут, и уже часа через два мы поняли, что напрасно загадывали — склон просто душу выматывал. К тому же холодало, а небо начало стремительно темнеть, и ветер всё усиливался. Хрустальное утро превращалось в ледяной пасмур.

Бодрого темпа не вышло. В полдень мы кое-как выдолбили ледорубами нишку между гранитных выступов и остановились в ней отдышаться. У меня от напряжения руки и ноги тряслись мелкой противной дрожью, а ветер нёс снежную пыль, как наждак, и швырял её в лицо горстями. Мы прижались к Тошке — мы с Крюком с боков, а Кондратий к спине — и пытались согреться и выровнять дыхание.

И вдруг послышался нарастающий гул, а мы почувствовали, как в такт с нашими усталыми мышцами дрожит каменная плита. Тошкин бок был очень тёплый, прямо горячий — но мысль меня

обледенила вмиг.

Гул прошёл, как волна, и стих внизу.

— Лавина сошла, — сказал Крюк тихо-тихо, а я вдруг понял, что глажу Тошку по голове, по пушистой шерсти. Глажу, глажу…

Нас защитил гранитный гребень. Лавина сошла западнее, прямо на нашу стоянку. Мы переглянулись: все поняли, что от стоянки мало что осталось.

— Ничего, — сказал Кондратий. — Мы уже дошли. Ещё один рывок, мужики, и мы — боги. А стоянка… ну, что ж, подберём на спуске, что найдём… в конце концов, мы уже победили.

— Да, — сказал Тошка. — Пойдём вдоль гребня и дальше, склон будет более пологим — я просмотрел фотографии со спутника. Вершина рядом, а вибраций я больше не ощущаю.

Мы дошли часам к четырём. Было жутко холодно — температура рухнула до сорока пяти и всё понижалась. Ветер завывал и свистел, но небо стало немного светлее — и весь суровый мир, все ледяные просторы Аляски расстилались у нас под ногами от горизонта до горизонта. Этот дикий север принадлежал нам одним, мы смотрели на него из-под мрачных небес — восторг просто захлёстывал душу и грел изнутри.

Мы поставили флаг и сфотографировались. И Крюк неожиданно вытащил из кармана парки пластмассовую фигурку, модельку робота, и кусок проволоки. Мы удивлённо пронаблюдали, как Крюк примотал этого робота к древку флага, у самой земли.

— Пара сезонов — и конец ему, — хмыкнул Кондратий.

— Неважно, — сказал Крюк. — Какая разница. Мне просто хотелось очень. Пусть будет. Тебе нравится, Тошка?

Я обернулся к Тошке, а Тошка с сосредоточенным видом слушал что-то, что мы расслышать не могли.

— Ты чего? — спросил Крюк.

— Ниже и западнее нас лавина накрыла двух альпинистов из Канады, — сказал Тошка. — Они оба получили травмы, один из них без сознания, второй, очевидно, только что очнулся и пытается вызвать вертолёт. База только что ответила, что это невозможно — крайне тяжёлые погодные условия. Ожидается снежная буря.

Вот такушки.

Мы переглянулись, и Кондратий сказал с тоской:

— Не найдём. Снег.

— Я запеленговал сигнал, — возразил Тошка. — Могу чётко описать их местонахождение. Они находятся на восемьсот метров ниже той площадки с уступом, на которой мы останавливались вчера вечером. Вертолёт туда не доберётся даже при идеальных

погодных условиях, тем более — при шквальном ветре и снегопаде. Температура продолжает понижаться. К ночи опустится до пятидесяти-пятидесяти пяти — и они погибнут от переохлаждения, даже если их не убьют травмы.

— Надо бодро спускаться, — сказал Крюк. — Всё равно с вершины один путь, вниз.

— Им, скорей всего, в госпиталь надо, — сказал я. — С хорошим оборудованием. Что мы сможем…

— Тошка справится, — сказал Крюк. — Лишь бы найти.

— У меня недостаточно данных, — сказал Тошка. — Я не могу утверждать, что справлюсь. Но раздумывать об этом нет времени. Нам надо торопиться, не теряя бдительности. Начинается снегопад.

— Вызови базу, — сказал Кондратий. — Сам вызови. Пусть не сидят там на заднице ровно.

— Мой сигнал ничего не изменит, — грустно сказал Тошка. — Спасатели могут только сидеть на заднице ровно или встать с неё, чтобы походить вокруг собственного кресла. Подняться до вечера на пять тысяч метров они не успеют ни при какой погоде.

— Всё, — подытожил Крюк. — Спускаемся.

С вершины всегда чуть печально спускаться. Но тогда чувство было посложнее на порядок; я спускался и думал о канадцах и о лавине. Мы тоже могли попасть под эту лавину. Никто, даже такая потрясная машина, как Тошка, не предскажет в горах ничего точно.

— Дима! — крикнул мне Тошка. — Ты рассеян! Соберись!

— Ага! — крикнул я в ответ, и тут же моя нога соскользнула со скального выступа.

Я бы летел по склону кубарем, если бы не робот. Реакция и скорость на склоне у него были нечеловеческие — Тошка перехватил трос и поймал меня за руку своей обезьяньей ногой. Меня прямо в жар кинуло от облегчения, я вцепился в его лапищу, нащупал ногами опору — и услышал:

— Дима, «спешить» и «суетиться» — совершенно разные вещи. Соберись, пожалуйста.

— Холодно, — сказал я, и с минуту грелся об его мохнатый бок. После этого в голове что-то прояснилось, и тело стало слушаться лучше.

Мы спустились к небольшому плато, где осталась наша палатка. Палатка пропала, её снесло куда-то ниже; Кондратий крикнул, что видит метрах в двухстах внизу что-то оранжевое — надо думать, либо палаточный тент, либо рюкзак Тошки. Двигаться было очень тяжело — лёд казался страшно ненадёжным, а снег так скользил, что мы опасались, не вызовем

ли новую лавину.

И холод становился нестерпимым. Ветер нёс град или жёсткую снежную крупу, всё вместе студило прямо-таки до костного мозга. Ужасно хотелось найти какую-нибудь расселину и пересидеть там бурю в относительном тепле и безопасности, но тем, внизу, было гораздо хуже.

Нас просто гнала мысль, что нам тут холодно, а они там умирают.

Оранжевое внизу оказалось Тошкиным рюкзаком. Ещё мы нашли рюкзак Кондратия, который застрял между камнями, но палатки нигде не было. А день катился к вечеру ужасно быстро — уже начинало смеркаться.

— Я опять его слышу! — крикнул Тошка, перекрикивая вой ветра. — Только СОС — и отключил рацию. У него уже нет сил говорить долго. Но мы довольно близко.

Думать было тяжело, мы выбивались из сил — но я подумал, что канадцы для нас уже свои и спасать мы их собираемся не просто как альпиндяев, попавших в беду, а как своих. И что это каким-то образом сделал Тошка, хотя он, вроде бы, и не говорил ничего особенного.

— Темнеет же! — крикнул Кондратий. — Мы ни хрена ж не найдём!

— Найдём! — отозвался Крюк. — Тошкин пеленг!

— Тёмное пятно ниже и левее — это парка канадца с рацией! — крикнул Тошка. — Мы их уже нашли!

И я подумал, что должно бы уже и отпустить, но не отпустило. Потому что было не видно, живы они там или нет.

Он был молоденький совсем, этот парнишка с рацией — года двадцать два, двадцать три, не больше. Он кожу ссадил на виске, скуле и ниже, кровь текла и замёрзла, вид у него был, как у замороженного зомби — и он пытался греть своего напарника, бородатого мужика заметно старше. А я никак не мог определить, имело ли смысл его греть, или там уже всё: лицо у бородатого было совсем отрешённое и пустое, как у мёртвого, снег колотил по нему, как по скале.

Тошка на молодого сильное впечатление произвёл — он даже встряхнулся, выпал из этой полумёртвой апатии замерзания. Кажется, думал, что галлюцинации начались — пока Тошка и Крюк ему не объяснили суть по-английски. Крюк лихо говорит по-английски после кучи международных экспедиций. Я-то — нет…

Парнишка что-то пробормотал, и Крюк перевёл:

— Брат его старший, опытный зубр, не повезло. А сам он впервые на такой горе, салажонок.

Мы младшего пересадили так, чтобы он прижимался к

Тошкиной спине. С ним всё было ясно: нога ниже колена сломана вдребезги, кусок кости порвал брючину, кровь замёрзла. И мы с Крюком вправили кость, как смогли. Шины тут было, конечно, не найти — и мы примотали его ногу к рукояти ледоруба. Потом вкололи противошоковое и заварили ему чаю: он на нас смотрел, как на ангелов.

Пока Тошка занимался его братом.

Я знать не знал, что у Тошки внутри целая аптека, не чета нашим аптечкам — плюс операционная. Но он снял с груди пластинку с шерстью, а под ней оказалась совершенно неожиданная панель с подсветкой и крохотными дверцами или задвижками. Из одной такой дверцы он вынул скрученный пластиковый зондик, подсоединил к нему стерильную иглу из какого-то патронташа, где иглы лежали целыми обоймами — разрезал рукав парки на старшем и всунул эту иглу в его вену, быстро и чётко. А потом ввёл в другую руку, в мякоть, противосудорожное из одноразового шприца — и всё это комментировал по-английски, спокойным тоном. Я так понял, для младшего, чтобы тот не психовал особо.

А нам с Кондратием переводил Крюк:

— Говорит, что у старшего тяжёлое сотрясение мозга, кома, но видятся неплохие шансы. Сломаны три ребра, обе ноги, мягкие ткани, говорит, в паршивом состоянии — обморожение. Принимает меры.

Младший канадец прижимался к Тошкиной спине всем телом и щекой, кровь у него оттаяла, потекла, Тошка был весь в крови — но мы все видели, что ему совершенно не мешает. Он только время от времени просил младшего не делать особенно резких движений — так парень и не делал, совсем измотался и морально, и физически.

Его ногу Тошка посмотрел уже потом. На всякий случай — с ногой мы и сами более-менее справились.

А пока Тошка работал, мы рубили ледорубами нишу в толстом слое льда, поглубже. И потом устроили там нечто вроде временного лагеря: какая-никакая защита от ветра, всё-таки потеплее, чем на открытом склоне.

В эту нишу мы перенесли канадцев. Молоденький плакал из-за брата, но Тошка начал ему что-то говорить, и он успокоился потихоньку. А старший так и лежал, ужасно спокойно, как труп. Мороз к ночи упал лютый, хорошо за пятьдесят; если бы не Тошка, который всех грел, этой ночи без палатки на голом склоне никто не пережил бы, ни мы, ни канадцы.

А так мы даже немного поспали. И Кондратий, засыпая, пробормотал, что «хорошо, когда кто-то в партии настолько

шарит в медицине», а я ещё успел про себя улыбнуться, что Тошка уже «кто-то в партии», а не робот.

Старший канадец утром неожиданно очнулся и заорал, так, что мы вздёрнулись спросонья, как ошалелые. То ли бредил, то ли Тошку увидал и не смог адекватно оценить, но орал и пытался отбиваться. Мы с младшим еле его успокоили, пришлось держать руки, а Тошка, что-то говоря по ходу дела, ещё вколол, церебролизина с баралгином, насколько я понял.

У старшего лицо опухло, глаза сузились в щели, сосуды полопались — этакая красноватая синюшность. Выглядело довольно жутко, но младший был рад без памяти, что его брат жив. Явно думал, что теперь-то прийти в себя окончательно — дело времени. Интересно, что Тошка тоже так думал.

К утру буря поутихла, даже проглянуло солнышко, но было по-прежнему холодно. И Тошка напомнил всем, что надо намазаться солнцезащитным кремом; нас, русских, почему-то пробило на хохот. Канадцы сперва смотрели обалдело, а потом им Крюк объяснил, что Тошка-аккуратник о креме заботится даже в такой пиковой ситуации — и они тоже поулыбались. А Кондратий сказал:

— Тош, ну ты давай, покричи на базу, пусть, перетак их, вертолёт вызывают! Или им погода опять не слава Богу?

— Я вызываю их уже четверть часа, — сказал Тошка. — Они могут прислать вертолёт на плато, которое мы все проходили на подъёме, здесь им мешает скальный выступ. Нам придётся спуститься на двести тридцать метров.

— Ну, хорошо, — сказал Крюк, — Дэйва мы как-нибудь спустим с его лодыжкой. А Билл? Его, наверное, вообще лучше не трогать?

— Билла вы пока оставите со мной, — сказал Тошка. — Здесь ему относительно тепло и относительно безопасно. А пока вы будете спускать Дэйва, я что-нибудь придумаю, — и перевёл Дэйву это всё.

Так и порешили. С Дэйвом вышло просто, мы его спустили в обвязке, Крюк — снизу, Кондратий — сверху, а я подстраховывал. Потом оставили с ним Крюка и поднялись к Тошке.

А Тошка за это время вытряхнул барахло из всех имеющихся рюкзаков и смастерил из них, тросов, ледорубов и прочей бытовой ерунды некое подобие носилок. На эти носилки он уложил Билла и зафиксировал, насколько я понял, очень здорово. И мы его спустили аккуратно и легко, как в кино. Крюк только присвистнул, когда увидел.

Мы стояли на плато, когда с неба затрещал вертолёт — и звук этот показался форменным ангельским пением. Восхождение

вышло совершенно особенным, вместилось в него разного… сразу и не определишь, какая сложная и странная начинка.

Мы проводили канадцев до больницы.

Обошлось, конечно, не гладко: всё-таки мы добирались долго, а условия были — сами понимаете. Биллу, бедолаге, ампутировали ступню и пальцы на другой ноге, да ещё и на руках несколько фаланг — тяжёлое отморожение. Дэйв тоже потерял несколько пальцев. Но у них обоих был такой вид, будто они выиграли главный приз: Билл сказал, что всё это — так, препятствия на пути к вершине, но какие препятствия остановят настоящего альпиниста, а Дэйв заявил, что отправится с Биллом в новую экспедицию, как только тот будет готов.

Маньяки канадские, наши люди. Отличные парни, в общем. Мы даже обговорили такую тему, не стоит ли в плане разминки и подготовки походить вместе где-нибудь, где потеплее и пониже.

Дэйв сказал:

— Только с Тони-Йети, — и закопался пальцами в его шерсть, как будто пса ласкал. Тошка только улыбнулся.

И Кондратий сказал:

— Ну да! Мы, русские, обычно работаем одной командой, старые друзья, то-сё… — и врезал Тошке по спине. — Тошка у нас кадр ценный. Он Крюка на Памире тащил с точно такой же травмой, как у тебя, Дэйви.

Тошка тихонько улыбался. А я подумал: вот интересно, Кондратий сам понимает, что говорит?..